54
510
1903.

Де 73

МѢСЯЦЪ
ВО
ФРАНЦУЗСКОЙ
ПРОВИНЦІИ.

ИЗЪ ДНЕВНИКА

ПРОФ. П. Н. АРДАШЕВА.

Цѣна 50 коп.

ЮРЬЕВЪ.
ТИПОГРАФІЯ К. МАТТИСЕНА.
1903.

4596/14
Де 73. 054 510

МѢСЯЦЪ ВО ФРАНЦУЗСКОЙ ПРОВИНЦІИ.

ИЗЪ ДНЕВНИКА

ПРОФ. П. Н. АРДАШЕВА.

ЮРЬЕВЪ.
ТИПОГРАФІЯ К. МАТТИСЕНА.
1903.

Изъ Сборника Учено-Литературнаго Общества при Императорскомъ Юрьевскомъ Университетѣ. Т. VII.

Всесоюзная
БИБЛИОТЕКА
имени
В. И. ЛЕНИНА
1194-II

2007056147

Печатано 300 экземпляровъ.
Сентябрь 1903 г.

Мѣсяцъ во французской провинціи.

Изъ дневника проф. П. Н. Ардашева[1]).

Предисловіе.

По случаю ученой командировки въ 1896—1898 гг. мнѣ пришлось прожить во Франціи два года безвыѣздно. Быть во Франціи для большинства нашихъ соотечественниковъ значитъ — быть въ Парижѣ. Въ Парижѣ и мнѣ пришлось провести бо́льшую часть времени моей командировки. Но, по характеру той исторической работы, которою я былъ тогда занятъ, мнѣ необходимо было, кромѣ парижскихъ архивовъ, порыться также и въ нѣсколькихъ провинціальныхъ. Такимъ образомъ, мнѣ представился случай побывать въ различныхъ провинціальныхъ уголкахъ Франціи. Изъ этихъ провинціальныхъ скитаній я вынесъ много новыхъ и частью совершенно для меня неожиданныхъ впечатлѣній и наблюденій. Я убѣдился, что Парижъ — не Франція и знать Парижъ не значитъ еще знать Францію. Я увидѣлъ также, что и помимо Парижа есть во Франціи немало интереснаго, — интереснаго въ особенности для того, кто ищетъ этого интереснаго не столько въ магазинахъ и музеяхъ, сколько въ повседневной,

---

1) Читано въ открытомъ засѣданіи Учено-Литературнаго Общества 15-го марта 1903 г.

будничной жизни, въ жизни, какъ она есть. Для любителя интереснаго въ этомъ смыслѣ провинціальная Франція представляетъ богатое поле для наблюденій. Я разумѣю, конечно, не ту провинціальную Францію, которая носитъ имена Ниццъ, Біаррицевъ, Трувилей и прочихъ постоялыхъ дворовъ международнаго праздношатайства, а ту настоящую провинцію, гдѣ французы живутъ промежъ себя, и гдѣ иностранецъ является мимолетною случайностью, либо въ видѣ проѣзжаго пассажира, либо въ видѣ такого случайно забредшаго искателя архивныхъ кладовъ, какого изображалъ вашъ покорный слуга. Къ числу такихъ именно провинціальныхъ уголковъ принадлежитъ и та область, которая носитъ старинное историческое названіе Шампани, связывающееся впрочемъ въ представленіи русскаго человѣка гораздо менѣе съ историческими воспоминаніями, чѣмъ съ цѣлымъ рядомъ довольно современныхъ ощущеній — слуховыхъ, зрительныхъ и даже вкусовыхъ: хлопанье вылетающей пробки, звонъ бокаловъ, шипѣнье струящагося изъ пузатой шампанки игристаго напитка, затѣмъ — пріятное пощипыванье языка, не менѣе пріятное, хотя и нѣсколько рѣзкое щекотанье въ горлѣ, и т. д. Какъ ни пріятны эти ощущенія, хотя бы и въ воображеніи, но я долженъ просить моихъ благосклонныхъ слушателей постараться освободить отъ нихъ свое воображеніе, для того чтобы очистить мѣсто другимъ, безспорно менѣе пріятнымъ, но за-то, быть можетъ, болѣе новымъ впечатлѣніямъ, которыми я прошу позволенія занять Ваше вниманіе, заранѣе прося снисхожденія къ той безпорядочной и безсистемной формѣ, въ какую они вылились въ моемъ дорожномъ дневникѣ, набросанномъ мною шесть лѣтъ тому назадъ въ тиши моего шампанскаго уединенія.

Мѣсяцъ въ Шампани.

Шалонъ, 4 іюня 1897 г. Пятница. — Съ сегодняшняго утра я — въ столицѣ Шампани, или точнѣе — въ одной изъ ея столицъ, такъ какъ титулъ этотъ оспариваетъ у Шалона городъ Труа (Troyes) и, быть можетъ, не безъ нѣкоторыхъ основаній. У Труа, во всякомъ случаѣ, гораздо болѣе историческихъ правъ на это названіе; но Шалонъ, съ своей стороны, можетъ сослаться на издавна признанное за нимъ значеніе административнаго центра провинціи Шампани (Champagne), вплоть до великой революціи, низведшей Шалонъ на степень административнаго центра департамента Марны, составляющаго лишь незначительную частицу прежней Шампани, изъ которой выкроили четыре департамента (Марны съ гл. городомъ Шалономъ, Объ (Aube) — съ г. Труа, Верхней Марны — съ г. Шомономъ, и Арденовъ — съ г. Мезьеръ).

Въ галло-римскую эпоху Шампань, носившая у римлянъ названіе Кампаніи (Campania), была населена шестью галльскими племенами, имена которыхъ, какъ почти повсюду на территоріи теперешней Франціи, сохранились, въ измѣненномъ, часто до неузнаваемости, видѣ, въ названіяхъ мѣстныхъ городовъ, игравшихъ въ свое время роль столицъ для каждаго изъ этихъ племенъ. Такъ, племя Трикассовъ оставило свой звуковой слѣдъ въ названіи г. Труа, племя Ремовъ — въ названіи г. Реймса, племя Каталауновъ — въ названіи Шалона, племя Сеноновъ — въ названіи г. Санса, племя Лингоновъ — Лангръ,

Мельдовъ — Мо (Meaux). Имя одного изъ этихъ племенъ, Каталауновъ (Catalauni), извѣстно у насъ всѣмъ и каждому изъ уроковъ элементарной исторіи: знаменитая каталаунская битва 451 г., „битва народовъ“, въ которой римскія войска подъ предводительствомъ Аэція, вмѣстѣ съ Вестготами Теодориха, разгромили гуннскія полчища Атиллы. Каталаунское поле (Campus Catalaunus), бывшее театромъ этой битвы, лежитъ въ окрестностяхъ Шалона, гдѣ, будто-бы, до сихъ поръ сохранились слѣды лагеря Атиллы. Надо будетъ при случаѣ прогуляться туда, посмотрѣть.

Но я черезчуръ углубился въ глубь временъ претекшихъ, — возвращусь къ настоящему, точнѣе — къ сегодняшнему дню.

Отъ Парижа до Шалона — около ста семидесяти верстъ, около трехъ часовъ ѣзды. Сегодня въ девять часовъ утра сѣлъ я въ поѣздъ на Восточномъ вокзалѣ, а въ полдень былъ уже въ Шалонѣ. И когда подумаешь, что не далѣе, какъ сто лѣтъ тому назадъ, омнибусъ, выѣзжавшій изъ Парижа въ четвергъ, привозилъ своихъ пассажировъ въ Шалонъ въ субботу . . .

Отъ Парижа и вплоть до самаго Шалона дорога идетъ все время по долинѣ рѣки Марны (Marne). Мѣстность холмистая, мѣстами чрезвычайно живописная. На нѣкоторомъ разстояніи отъ Парижа возвышенности начинаютъ одѣваться виноградниками, которые становятся все чаще и обильнѣе по мѣрѣ приближенія къ г. Шато-Тьерри (Château-Thierry), приблизительно на полпути между Парижемъ и Шалономъ.

Шато-Тьерри, „замокъ Тьерри“, т. е. Теодориха, Castrum Theodorici, представляетъ собою въ настоящее время небольшой городокъ, съ семью тысячами жителей, живописно раскинувшійся на зеленѣющихъ, смѣющихся холмахъ, среди виноградниковъ и фруктовыхъ садовъ. Въ своей прелестной, веселенькой рамкѣ онъ представляетъ собою одну изъ восхитительнѣйшихъ панорамъ богатой веселенькими, какъ бы улыбающимися видами Франціи. Начиная съ Шато-Тьерри, мы всту-

паемъ въ настоящую, виноградную Шампань. Еще полчаса ѣзды, и мы въ Эпернэ (Epernai), столицѣ этой виноградной Шампани. Поѣздъ останавливается на нѣсколько минутъ. Изъ буфета раздается хлопанье пробокъ. У входа надпись крупными буквами: Бокалъ шампанскаго 50 сантимовъ (18½ к.). Рѣшилъ, что было бы „грѣшно“ проѣхать мимо шампанской столицы, не вспрыснувъ ее бокаломъ „мѣстнаго“ вина — благо оно здѣсь доступно и моему нетолстому карману: почти въ одной цѣнѣ съ пивомъ (бокалъ пива 40 сант.). Зашелъ въ буфетъ, выпилъ, — ничего себѣ, хотя и не такъ, чтобы того . . . Хорошее шампанское пить, видно, надо подальше ѣхать: въ Англію, въ Америку, въ Россію. Потому — что́ получше, отправляютъ подальше, заграницу, туда, гдѣ платятъ — не скупятся, а не то чтобы, значитъ, за двугривенный бокалъ подай . . . Это мнѣ напомнило и про швейцарскій сыръ, котораго — если угодно получить лучшаго качества — слѣдуетъ искать всюду, гдѣ угодно, только не въ Швейцаріи, и чѣмъ дальше отъ Швейцаріи, тѣмъ лучше. Одинъ знакомый швейцарецъ, бывавшій въ Россіи, говорилъ мнѣ, что нигдѣ онъ не ѣдалъ лучшаго щвейцарскаго сыра, чѣмъ въ Москвѣ.

Эпернэ, не смотря на свою древность, имѣетъ видъ совершенно новенькаго города, — съ новыми или подновленными, веселенькими домами, съ широкими окнами и приплюснутыми крышами. Небольшихъ размѣровъ (около 19.000 ж.), но имѣетъ видъ цвѣтущаго городка. И не диво. Вѣдь, черезъ этотъ небольшой городокъ протекаютъ ежегодно многомилліонные капиталы. Эпернэ, на ряду съ Реймсомъ, одинъ изъ двухъ главныхъ центровъ оптовой торговли шампанскимъ. Здѣсь же находятся и величайшіе въ свѣтѣ винные погреба компаніи Мерсье, высѣченные въ толщѣ мѣловой горы, на которой раскинулся Эпернэ. Входъ въ подвалы замаскированъ тяжеловѣснымъ каменнымъ зданіемъ, которое выходитъ своимъ необыкновенно растянувшимся въ ширь фасадомъ почти прямо на полотно желѣзной дороги, всего въ нѣсколькихъ шагахъ отъ вокзала, а заднею своею частью упирается въ отвѣсную

гору, подъ которой кроются погреба. При случаѣ надо будетъ взглянуть на эту единственную въ своемъ родѣ достопримѣчательность. Рядомъ съ подвалами компаніи Мерсье находятся подобные же подвалы, только болѣе скромныхъ размѣровъ, другой компаніи, „Шампанскаго Союза“ (Union Champenoise).

. . . Еще полчаса ѣзды, и поѣздъ останавливается передъ вокзаломъ Шалона. Шалонъ насчитываетъ не болѣе 25.000 жителей, но, по занимаемому имъ пространству, имѣетъ видъ большого города. Не смотря однако на свои довольно почтенные размѣры, онъ производитъ такъ же мало впечатлѣнія вблизи, какъ и издали. Виною тому главнымъ образомъ мѣстность, лишенная всякой живописности, совершенно ровная. Подобно Эпернэ, Шалонъ не сохранилъ въ своей физіономіи сколько-нибудь замѣтныхъ слѣдовъ старины. Есть, правда, не мало узкихъ и кривыхъ улицъ и переулковъ, говорящихъ своимъ причудливымъ лабиринтомъ о далекомъ прошломъ города, но всѣ дома, даже и въ этихъ укромныхъ уголкахъ, имѣютъ болѣе или менѣе современный видъ. Много прямыхъ и широкихъ улицъ на современный ладъ, но нѣтъ ни одной, которую бы можно было назвать красивой. Все довольно плоско и пошло. Выгоднымъ образомъ выдѣляются лишь нѣкоторыя части набережной Марны и ея многочисленныхъ каналовъ. За два часа я успѣлъ исколесить городъ вдоль и поперекъ, благодаря своему стальному коню. Открылъ при этомъ одинъ красивый, и даже могу сказать прелестный уголокъ. Это такъ называемый Жаръ (Jard), городской паркъ на окраинѣ города, съ прилегающимъ къ нему съ одной стороны садомъ того же имени, съ другой — расположеннымъ по другую сторону канала англійскимъ садомъ. Вѣковые платаны, каштаны и пирамидальные тополи образуютъ длинныя аллеи, перекрещивающіяся во всѣхъ направленіяхъ. Это — собственно паркъ. Что касается обоихъ „садовъ“, то они оба въ англійскомъ вкусѣ: столь излюбленная французскими садовниками прямая линія и геометрическая симметрія изгнана отсюда без-

площадію, съ чѣмъ остается только поздравить шалопцевъ. Вообще, врядъ ли много городовъ найдется во Франціи, которые бы могли похвастаться столь просторнымъ и прелестнымъ мѣстомъ для прогулки. По крайней мѣрѣ, мой печатный путеводитель по Шалону увѣряетъ, отдавая явную дань мѣстному патріотизму, что „Жаръ составляетъ одно изъ самыхъ восхитительныхъ мѣстъ для прогулокъ, какія только возможно себѣ представить“, и при этомъ прибавляетъ: „онъ усердно посѣщается жителями и служитъ предметомъ восхищенія для пріѣзжихъ“. Противъ послѣдней половины этого тезиса не имѣю ничего возразить, такъ какъ самъ принадлежу къ числу „восхищающихся пріѣзжихъ“; но относительно первой его части долженъ признаться, что мои первыя наблюденія идутъ совершенно въ разрѣзъ съ этимъ увѣреніемъ. Въ самомъ дѣлѣ, на всемъ пространствѣ Жара мнѣ посчастливилось встрѣтить всего лишь двухъ посѣтителей, которые, быть можетъ, были такими же „пріѣзжими“, какъ и я грѣшный. Этотъ маленькій эдемъ, подъ бокомъ у двадцатипятитысячнаго города, казалось, долженъ бы былъ быть переполненъ, въ особенности въ такую прелестную погоду, какъ сегодня, — а между тѣмъ онъ представляетъ въ дѣйствительности совершенно уединенное мѣсто, въ которомъ встрѣчаешь гораздо болѣе статуй, чѣмъ живыхъ людей. Признаться, мнѣ уже и ранѣе не разъ приходилось отмѣчать необыкновенное равнодушіе французовъ къ природѣ, но ни разу еще не приходилось встрѣчаться съ болѣе краснорѣчивымъ проявленіемъ этой маленькой черточки французской національной психологіи. Сами они, впрочемъ, не сознаютъ и не признаютъ этого, но мало ли чего кто не сознаетъ и не признаетъ . . . Обиднаго тутъ для нихъ во всякомъ случаѣ ничего нѣтъ. „Красному яблочку червоточина не покоръ“.

По преданію, на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь раскинулся паркъ Жаръ, св. Бернардъ Клервальскій проповѣдовалъ въ 1147 г. второй крестовый походъ. Въ ту пору Жаръ представлялъ собою пустопорожнюю пустошь, и въ каковомъ видѣ просуществовалъ вплоть до семидесятыхъ годовъ 18-го столѣтія,

Всесоюзная БИБЛИОТЕКА имени В. И. ЛЕНИНА

когда шалонскому интенданту (соотвѣтствуетъ нашему губернатору) пришла счастливая мысль — она была совершенно въ духѣ того времени — сдѣлать изъ этой пустоши нѣчто такое, чѣмъ бы можно было приводить въ восхищеніе — пріѣзжихъ, по крайней мѣрѣ, за полною неспособностью къ тому туземныхъ жителей.

Паркъ соединенъ съ англійскимъ садомъ пѣшеходнымъ мостикомъ, переброшеннымъ въ видѣ высокой легкой арки черезъ марнскій каналъ. Это, по-моему, самый прелестный уголокъ во всемъ Шалонѣ: сочетаніе роскошной растительности и воды — съ одной стороны, съ другой — открывающіяся двѣ восхитительныя перспективы, — одна вдоль канала съ вырисовывающимися въ глубинѣ ея величественнымъ силуэтомъ стариннаго собора, который кажется выростающимъ изъ воды, другая — вдоль одной изъ главныхъ аллей парка и ея продолженія, носящаго названіе „дормессоновскаго ристалища“ („Cours d' Ormesson“), съ находящимся въ глубинѣ этой уличной перспективы въ триста съ лишкомъ сажень длиною элегантнымъ дворцеобразнымъ зданіемъ префектуры (соотвѣтствуетъ нашему губернаторскому дому), построеннымъ въ тяжеловатомъ, но импозантномъ стилѣ конца весемнадцатаго столѣтія. Изъ оконъ префектуры долженъ открываться прелестный видъ, надо думать единственный во всемъ городѣ, по своей привлекательности. Да и самое зданіе префектуры, несомнѣнно, самое элегантное и импозантное во всемъ городѣ. Съ нимъ не можетъ соперничать даже новый „дворецъ юстиціи“, роскошное и нѣсколько претенціозное сооруженіе, въ „комфортабельномъ“ стилѣ нашего времени. Но, какъ было еще въ средніе вѣка, такъ и въ наши дни, да, вѣроятно, такъ будетъ еще долго и послѣ насъ: въ каждомъ французскомъ городѣ самымъ величественнымъ и роскошнымъ зданіемъ является обыкновенно соборъ.

Послѣ бѣглаго обозрѣнія города съ птичьяго полета, первымъ моимъ визитомъ былъ соборъ.

Ахъ, сколь много иныя сооруженія выигрываютъ отъ

„почтительнаго разстоянія“, которое отдѣляетъ отъ нихъ зрителя! Шалонскій соборъ служитъ лучшимъ тому доказательствомъ. Съ какимъ восхищеніемъ любовался я его величественнымъ силуэтомъ изъ-подъ аркообразнаго мостика „Жара“, на разстояніи полуверсты, съ такимъ же разочарованіемъ взираю я теперь на эту нелѣпую архитектурную глыбу вблизи, съ прилегающаго къ нему сквера Карно. Сколько-нибудь выгодное впечатлѣніе производитъ соборъ только при взглядѣ на него сбоку, совсѣмъ вблизи. „Ребра“ его предоставляютъ собою, дѣйствительно, наиболѣе гармоничную и наиболѣе выдержанную, въ смыслѣ стиля, часть. Но фасадъ . . . Святители! Чья это варварская рука приляпала къ этому великолѣпному готическому корпусу тринадцатаго вѣка двухъ-этажную колоннаду въ ложноклассическомъ стилѣ конца семнадцатаго столѣтія? . . Ищу объясненія въ своемъ путеводителѣ. Оказывается, что на своемъ долгомъ вѣку соборъ испыталъ на себѣ неоднократно разрушительное дѣйствіе молніи и пожара, и многократно подвергался различнымъ починкамъ и перестройкамъ. Въ одну изъ этихъ злополучныхъ архитектурныхъ передрягъ и былъ, какъ оказывается, приляпанъ этотъ злополучный фасадъ изъ двухъ-этажной колоннады, представляющій собою вопіющій архитектурный диссонансъ, какой только можно себѣ представить. И нужно быть воистину патріотомъ своего роднаго города, чтобы рѣшиться, какъ это дѣлаетъ составитель моего путеводителя, заявить въ назиданіе „иностранцамъ“: „многіе соборы превосходятъ нашъ своими размѣрами, но ни одинъ не превосходитъ его гармоніей своихъ формъ“ . . .

Отмѣчу еще одну довольно курьезную особенность шалонскаго собора. Она заключается въ отсутствіи абсида, вмѣсто котораго, противоположный конецъ собора оканчивается двумя симметричными башнями, придающими этой части собора видъ какъ бы другого фасада. Башни эти, лишенныя вдобавокъ своихъ верхушекъ (снесенныхъ въ недавнее сравнительно время за ихъ ветхостью), непропорціонально малы сравнительно съ корпусомъ собора.

Изъ многочисленныхъ площадей Шалона стóитъ отмѣтить лишь двѣ: площадь Республики, съ монументальнымъ фонтаномъ посрединѣ, сооруженнымъ лѣтъ десять тому назадъ, — это самая большая изъ городскихъ площадей; другая — площадь Думы, съ тяжеловатымъ зданіемъ городской Думы въ стилѣ восемнадцатаго вѣка и съ очень удачнымъ памятникомъ президенту Карно передъ фасадомъ зданія. Это самая красивая изъ всѣхъ шалонскихъ площадей; а что касается памятника, то я не знаю ничего болѣе удачнаго въ своемъ родѣ, хотя весь памятникъ, очень скромныхъ размѣровъ, представляетъ собою лишь бюстъ изъ бѣлаго мрамора на гранитномъ пьедесталѣ, окруженномъ бронзовою группой, среди которой выдѣляется граціозная фигура женщины, изображающая собою Францію, и простирающая къ бюсту лавровый вѣнокъ. Довольно банальная аллегорія, если угодно, но сколько души, сколько чувства и вмѣстѣ художественнаго вкуса вложено художникомъ въ эту маленькую и скромную, но артистически выполненную скульптурную композицію. Чудный эффектъ производитъ между, прочимъ, это сочетаніе бѣлоснѣжнаго мрамора съ темносѣрымъ гранитомъ и темною бронзой, — эффектъ, въ которомъ нѣтъ ничего кричащаго, ходульнаго; напротивъ, въ немъ столько простоты и достоинства, столько солидности и строгаго художественнаго чутья.

. . . Съ перваго же взгляда бросается въ Шалонѣ лежащій на всемъ отпечатокъ военщины. Солдаты на каждомъ шагу, магазины офицерскихъ вещей, книжные магазины, съ краснорѣчивыми вывѣсками, гласящими: „Гражданская и военная книготорговля“, гдѣ военный элементъ, видимо, преобладаетъ, судя по выставленнымъ въ витринахъ книгамъ и журналамъ. За-то, странное дѣло, вовсе не видно офицеровъ на улицахъ. Чтó бы это могло означать? Разгадка, какъ оказывается, въ томъ, что гг. офицеры въ самыхъ широкихъ размѣрахъ пользуются своей привилегіей — не носить военнаго мундира внѣ строя. Не будь этого, военный колоритъ города бросался бы конечно еще болѣе въ глаза.

Военное значеніе Шалона находится въ связи, съ одной стороны — съ близостью лагеря (постояннаго), съ другой — съ его почти пограничнымъ положеніемъ. Въ самомъ дѣлѣ, не смотря на свое всего лишь трехчасовое разстояніе отъ столицы, Шалонъ почти что пограничный городъ: до Меца отъ Шалона не далѣе, чѣмъ до Парижа. И самъ Парижъ, какъ подумаешь, какъ близко къ этой вѣчно „обостроженной“ прусскими штыками германской границѣ. Со времени 1871 г. Парижъ, дѣйствительно, почувствовалъ себя нѣкоторымъ образомъ на положеніи пограничнаго города, и только тогда лишь вздохнулъ свободно, когда — въ недавнее время — окружилъ себя стоверстнымъ поясомъ новыхъ фортовъ (старые форты, примыкающіе почти къ самымъ стѣнамъ Парижа, признаны были неудовлетворяющими требованіямъ современной обороны).

. . . Напесъ визитъ въ мѣстный „департаментскій архивъ“ (archives départementales de la Marne). Познакомился съ молодымъ помощникомъ архивиста, г. Экутэномъ (Mr. Ecoutin). Архивъ помѣщается въ новомъ, спеціально выстроенномъ для него зданіи, черезъ улицу противъ префектуры, съ садикомъ, наполненнымъ великолѣпными вишнями и грушами. Въ уголкѣ пріютился миньятюрный огородикъ, съ нѣсколькими грядами салата, капусты, лука, картофеля и прочей растительной снѣди. Въ другомъ уголкѣ, на маленькой лужайкѣ, пасется козочка, привязанная длинной веревочкой къ чугунной рѣшеткѣ садика. Совершенно буколическая обстановка . . . Въ моемъ вкусѣ, хотя для меня и довольнотаки неожиданная. Уже только переступивъ ворота этого садика, чрезъ который входъ въ помѣщеніе архива, я заранѣе былъ въ восторгѣ отъ моего будущаго рабочаго кабинета, который, оказалось въ довершеніе моего благополучія, выходилъ окнами въ садъ, откуда вела въ него прямо, безъ всякой передней, стеклянная дверь. Однимъ глазомъ буду смотрѣть въ архивные документы, другимъ — въ садъ; одной ноздрей буду вдыхать архивную атмосферу, другой обонять ароматы цвѣтовъ . . .

Долженъ впрочемъ, въ интересахъ истины, сдѣлать здѣсь маленькую оговорку. Первый мой визитъ былъ собственно не въ архивъ, а сначала въ префектуру. Во-первыхъ, потому что архивъ находится при префектурѣ и официально состоитъ въ вѣдѣніи префекта; а во-вторыхъ, потому еще, что, въ качествѣ заѣзжаго иностранца, являющагося въ городъ, подобный Шалону, т. е. имѣющій стратегическій характеръ, я считалъ во всякомъ случаѣ нелишнимъ показать заранѣе начальству свою физіономію, во избѣжаніе всякихъ возможныхъ недоразумѣній, довольно обычныхъ, какъ говорятъ, здѣсь.

— Смотрите, наставительно предупреждали меня передъ отъѣздомъ изъ Парижа мои тамошніе пріятели, — будьте осторожны, не забывайте, что вы отправляетесь въ военную берлогу (trou militaire), гдѣ всякій иностранецъ считается подозрительнымъ. Будьте осторожны! Вотъ у васъ фотографическій аппаратъ. Не вздумайте, чего добраго, еще тамъ какія-нибудь фортификаціи фотографировать . . . Того и гляди, въ шпіоны попадете . . .

— Ну такъ что-жъ? Авось, не разстрѣляютъ, не заглянувши въ мой паспортъ. А это было бы, право, даже интересно, если бы меня наши друзья французы за нѣмецкаго шпіона приняли . . . Впрочемъ, что касается фортификацій, то отъ фотографированія ихъ воздержусь, тѣмъ болѣе что виды этого рода меня очень мало интересуютъ; но что касается другого-прочаго, то ужъ извините, буду фотографировать направо и налѣво, вдоль и поперекъ . . . Да, наконецъ, во избѣжаніе всякихъ случайностей, первымъ дѣломъ предъявлю по пріѣздѣ свою особу г-ну префекту марнскаго департамента.

Итакъ, послѣ бѣглаго осмотра города и его достопримѣчательностей, на что потребовалось не болѣе двухъ часовъ времени, отправляюсь въ префектуру. Передаю приставу свою карточку, говорю — по такому-то дѣлу. Приставъ выноситъ мнѣ, вмѣстѣ съ моей карточкой, устный отвѣтъ префекта, что по интересующему меня архивному дѣлу я могу

адресоваться прямо къ архивисту. Значитъ, не понялъ г. администраторъ моего тонкаго намека на толстыя обстоятельства . . . Чтожъ, не моя печаль. Отправляюсь въ архивъ, нахожу описанное выше буколическое его преддверіе, а внутри нахожу молодого чиновника, оказавшагося помощникомъ архивиста. Очень любезный человѣкъ. „Къ вашимъ услугамъ“ и проч. Завтра же съ утра наношу свой первый дѣловой визитъ въ архивъ и начинаю свои архивныя раскопки . . .

Шалонъ, 5 іюня. Суббота. — По приблизительнымъ разсчетамъ, придется застрять здѣсь по крайней мѣрѣ на мѣсяцъ. Такъ какъ городская атмосфера успѣла мнѣ надоѣсть до тошноты еще въ Парижѣ, то рѣшилъ устроиться на этотъ мѣсяцъ гдѣ-нибудь въ деревнѣ, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ города. Это дастъ мнѣ къ тому же случай ежедневно провѣтриваться послѣ архивнаго сидѣнья, размять свои члены и расправить грудь, совершая ежедневную прогулку на моемъ стальномъ конѣ. Пріятное съ полезнымъ. Кромѣ того, это былъ бы для меня прекрасный случай осуществить мою давнишнюю мечту — познакомиться вблизи и непосредственно съ французской деревней, съ ея жизнью.

Такъ какъ въ Шалонѣ у меня нѣтъ ни одной души знакомой, съ кѣмъ бы я могъ посовѣтоваться и заручиться необходимыми свѣдѣніями для разрѣшенія моего „вопроса“, то мнѣ ничего другого не оставалось, какъ направить свои стопы въ одну изъ „гражданскихъ и военныхъ книготорговль“ города, чтобы обзавестись необходимыми путеводными указателями. Здѣсь меня, дѣйствительно, снабдили, за нѣсколько сантимовъ, прекрасной картой окрестностей Шалона, которыя до этого момента были для меня чѣмъ-то въ родѣ дебрей центральной Африки. Самымъ подходящимъ по картѣ пунктомъ оказалась деревенька носящая не совсѣмъ красивое названіе Экюри (Ecury), верстахъ въ 8—9 отъ города, — разстояніе самое подходящее, полчаса велосипедной прогулки въ одинъ конецъ.

Другимъ удобствомъ было то, что деревенька стоитъ на рѣчкѣ, называемой Кооль (Coole), впадающей неподалеку отъ Шалона въ Марну: обстоятельство, указывающее на отсутствіе подъемовъ по дорогѣ, столь непріятныхъ для „самокатчиковъ“. Наконецъ, третье удобство: около деревеньки есть станція желѣзной дороги, связывающей съ Шалономъ: значитъ, обезпечено сообщеніе съ городомъ и на случай дурной погоды. Такъ какъ изъ всѣхъ ближайшихъ къ Шалону деревень Экюри оказывалась единственной, которая соединяла въ себѣ всѣ перечисленныя удобства, то я и направился туда безъ дальнѣйшихъ разсужденій. Дорога оказалась маленькая, проселочная (chemin vicinal), очень узенькая, какъ вообще проселочныя дороги во Франціи, и превосходная, какъ большинство грунтовыхъ дорогъ въ этой странѣ: твердая, гладкая, какъ карта, почти безпыльная, благодаря густому слою утрамбованнаго мелкаго щебня, дѣлающаго невозможною также и грязь на дорогѣ, тѣмъ болѣе, что по обѣ стороны ея тянутся глубокія, точно рѣзцомъ прорѣзанныя, канавы. Съ той и другой стороны дорога обсажена двумя рядами граціозныхъ тополей, бросающихъ на дорогу пріятную тѣнь. Полчаса неспѣшной ѣзды, и вотъ передо мной сама деревенька, съ опрятною шоссированою улицей, съ чистенькими домами и домиками, изъ какого-то крупнаго, небрежно отесаннаго, но совершенно бѣлаго камня (какъ потомъ узналъ, просто — изъ мѣла), съ черепичными крышами; нѣсколько домовъ покрупнѣе, даже въ два этажа, кирпичныхъ, съ крышами изъ грифельныхъ досокъ. Почти передъ каждымъ домикомъ садикъ съ цвѣточными клумбами и неизбѣжнымъ колодцемъ. Во всѣхъ окнахъ цвѣты въ горшкахъ и обязательно — бѣлыя занавѣски. Посрединѣ деревни выдѣляется своею солидною наружностью двухъ-этажный каменный домъ, съ грифельною крышей и съ большими часами на верху фасада, съ колоколомъ, укрѣпленнымъ на конькѣ надъ часами, подъ желѣзнымъ зонтикомъ. Это — зданіе общественныхъ учрежденій Экюри: тутъ помѣщаются, какъ гласятъ соотвѣтствующія рельефныя надписи,

мерія, коммунальная школа съ квартирою учителя и камера мирового судьи съ квартирою для него. Напротивъ меріи — небольшой бѣлый двухъ-этажный домъ съ вывѣской, гласящей: Отель Муанель-Лемуанъ (Hôtel Moinel-Lemoine), и съ круглымъ металлическимъ щиткомъ „Французскаго Туринъ-Клуба“ (Touring-Club de France), самаго обширнаго изъ циклистскихъ союзовъ во Франціи, насчитывающаго болѣе 50.000 членовъ. Въ качествѣ одного изъ этихъ 50.000, я могъ, значитъ, разсчитывать на особенно радушный пріемъ со стороны почтеннаго Муанель-Лемуана, какъ принадлежащаго къ этому клубу. Я не ошибся. Хозяинъ и хозяйка оказались прелюбезными людьми, а хозяинъ въ добавокъ еще и превеселымъ малымъ. Я его засталъ за работой въ его „ресторанѣ“, гдѣ онъ лично угощалъ нѣсколькихъ кліентовъ, въ своемъ упрощенномъ до послѣдней степени возможнаго, по случаю іюньской жары, костюмѣ, который исчерпывался ситцевою рубашкой „фантэзи“, запущенной въ панталоны, безъ жилета. Впрочемъ подобное упрощенное одѣяніе нерѣдкость встрѣтить въ лѣтнее время и въ любомъ изъ парижскихъ ресторановъ средней руки.

Мой патронъ, видимо, обрадовался наклевывавшемуся постояльцу, котораго, очевидно, давно ожидали совершенно пустыя помѣщенія „отеля“, состоявшія, впрочемъ, всего изъ двухъ или трехъ комнатъ. Это обстоятельство было, надо думать, главной причиной необыкновенной сговорчивости почтеннаго Муанеля, который послѣ двухъ-трехъ словъ сошелся со мной на самыхъ умѣренныхъ условіяхъ: комната съ обстановкой, съ постельнымъ и туалетнымъ бѣльемъ и полный пансіонъ, т. е. утренній кофе съ молокомъ и хлѣбомъ и обѣдъ (завтракать мнѣ предстояло въ городѣ), — все это за 75 франковъ, т. е. приблизительно 28—29 рублей на наши деньги, въ мѣсяцъ. Вдобавокъ, мой любезный хозяинъ вмѣсто условленной одной комнаты, отдалъ въ мое распоряженіе двѣ лучшихъ комнаты своей „гостиницы“, съ большими окнами, выходящими на улицу, и какъ разъ насупротивъ меріи. Намъ-де все равно,

такъ какъ все равно комнаты пустуютъ, а вы у насъ единственный жилецъ.

При поѣздкѣ моей изъ Шалопа въ Экюри меня поразило между прочимъ одно обстоятельство: это — совершенное отсутствіе чего-нибудь похожаго на дачи въ окрестностяхъ города. Шалонцы, очевидно, безвыходно проводятъ лѣто въ своихъ городскихъ берлогахъ. Что тутъ больше сказывается: французское ли домосѣдство, французское ли равнодушіе къ „лону природы“, куда обыкновенно такъ тянетъ лѣтомъ изъ города нашего брата, русскаго . . . Есть вѣроятно, тутъ и того и другого понемножку.

Сегодня же переселяюсь на мое деревенское новоселье. Предполагаю распредѣлить мой день такимъ образомъ. Въ половинѣ девятаго утра отправляюсь на велосипедѣ въ городъ, куда поспѣваю къ девяти часамъ, т. е. какъ разъ къ открытію архива. Съ двѣнадцати до половины второго архивъ закрывается, по случаю завтрака служащихъ, примѣру которыхъ и мнѣ остается благоразумно послѣдовать. Завтракать буду въ какомъ-нибудь изъ довольно многочисленныхъ шалонскихъ ресторановъ. Съ половины второго — опять архивъ, вплоть до пяти часовъ, когда архивъ закрывается, послѣ чего не спѣша отправляюсь восвояси, куда поспѣваю къ обѣду, какъ разъ въ обычное обѣденное время во Франціи, то-есть къ шести часамъ. Воскресенье и другіе неприсутственные дни, которыхъ впрочемъ здѣсь немного, пойдутъ на экскурсіи по окрестностямъ. Такимъ образомъ, всѣ мои дни и часы будутъ наполнены въ перемежку — пріятнымъ и полезнымъ.

Экюри, 6 іюня. Воскресенье. — Экюри-па-Коолѣ (Ecury-sur-Coole), такъ официально титулуется полнымъ именемъ моя новая резиденція; туземцы же зовутъ ее обыкновенно сокращенно: Экюри (Ecury), что, сказать къ слову, для уха звучитъ почти совершенно такъ же, какъ и écurie (конюшня).

У моихъ хозяевъ оказывается полное хозяйство. Птич-

ный дворъ съ прогуливающимися по нему курами, утками, гусями, индюшками. Маленькій садикъ съ вишнями и яблонями, и огородикъ съ неизбѣжными салатомъ, редиской, морковью, капустой и прочей огородной снѣдью. Давно ужъ не приводилось мнѣ живать въ подобной, чисто деревенской обстановкѣ, по которой уже начало не на шутку тосковать мое сердце неисправимаго деревенщины. Какъ волка ни корми . . . Только вотъ лѣсу-то какъ разъ и нѣтъ, жаль. Безъ лѣсу деревня — что каша безъ масла. Но что дѣлать — не богата Франція этимъ товаромъ. Лѣсъ, эта несравненная прелесть сѣверной русской деревни, — роскошь почти неизвѣстная ея французской сестрѣ.

Мой „патронъ“ Муанель-Лемуанъ оказывается не только „гостинникомъ“ и рестораторомъ, но также пекожко и коммерсантомъ. Въ нижнемъ этажѣ занимаемаго имъ дома помѣщается рядомъ съ рестораномъ лавочка, мѣстный Лувръ, въ которомъ туземный обыватель можетъ найти все потребное для его повседневной жизни.

— Отчего у васъ такая двойная фамилія, Муанель-Лемуанъ? полюбопытствовалъ я, обращаясь къ хозяину.

— А оттого, что Муанель — мое имя, а Лемуанъ — имя моей жены. У насъ въ обычаѣ прибавлять къ своему имени имя жены.

— Оригинально, въ первый разъ слышу.

Замѣчу мимоходомъ, что у французовъ имѣется на этотъ счетъ еще одна курьезная на нашъ русскій взглядъ странность. Въ самомъ дѣлѣ, у насъ женщина, съ выходомъ замужъ, теряетъ лишь свою фамилію, у французовъ же она теряетъ и свое личное имя, почему и приходится постоянно слышать во французскомъ разговорѣ такія странныя для русскаго уха сочетанія словъ, какъ мадамъ Жанъ, мадамъ Nicolas, мадамъ Жоржъ, а въ газетахъ встрѣчать такія не менѣе странныя выраженія, какъ: Президентъ французской республики и мадамъ Феликсъ Форъ, г. министръ колоній и мадамъ Андрей Лебонъ, и т. п.

Мой Муанель-Лемуанъ полюбопытствовалъ, изъ какой я

страны. Узнавъ, что я русскій, онъ одновременно и удивился и просіялъ.

— Значитъ, мы — друзья, не правда ли? промолвилъ онъ съ живостью.

— А вы меня за кого принимали? полюбопытствовалъ я въ свою очередь.

— Думалъ, что вы — эльзасецъ, либо бельгіецъ — по выговору, а только никакъ не предполагалъ, что вы не изъ страны говорящей по-французски. Вы, вѣроятно, давно во Франціи?

— Другой годъ . . . Только долженъ сказать, что свой французскій языкъ я привезъ съ собой изъ Россіи. Особенно этому не удивляйтесь. Въ Россіи люди, говорящіе по-французски, гораздо менѣе рѣдки, чѣмъ французы, говорящіе по-русски. Да и вообще, позвольте намъ похвастаться, — мы знаемъ васъ не въ примѣръ лучше, чѣмъ вы насъ. И это еще задолго до теперешней „франко-русской дружбы“ . . .

— Въ самомъ дѣлѣ? Счелъ своимъ долгомъ удивиться мой собесѣдникъ, и тутъ же, съ обычной французской находчивостью, прибавилъ:

— Если мы мало знаемъ Россію, то по крайней мѣрѣ много о ней думаемъ. И вотъ вамъ доказательство. Не угодно ли пройти вотъ сюда . . .

Съ этими словами мой патронъ съ торжествомъ отворилъ дверь, предлагая пройти въ нее. Я очутился въ маленькой комнатѣ съ круглымъ большимъ столомъ посрединѣ, съ непзбѣжнымъ каминомъ противъ входа, съ неменѣе неизбѣжными бронзовыми часами на немъ, разумѣется, стоящими и, надо думать, никогда незаводящимися, да врядъ ли и способными ходить. Надъ каминомъ довольно большое зеркало, на стѣнахъ разныя гравюры, въ двухъ углахъ . . .

— Узнаете? обратился онъ ко мнѣ, съ торжествомъ указывая рукой по направленію одного изъ угловъ, гдѣ красовался, окруженный искусственными цвѣтами, миньятюрный терракотовый бюстъ Государя Императора.

Въ другомъ углу — подобный же бюстъ Государыни, точно

также среди искусственныхъ цвѣтовъ. Я ожидалъ найти въ одномъ изъ остальныхъ двухъ угловъ подобный же бюстъ президента французской республики, но такового нигдѣ не оказалось. Я не счелъ умѣстнымъ подѣлиться съ моимъ патрономъ готовившимся сорваться у меня съ языка замѣчаніемъ; оставляю его для себя . . .

Сегодня воскресенье. Не смотря на то, улица совершенно пустынна. Шампанская деревня оказывается въ этомъ отношеніи родною сестрой туренской деревни, съ которой мнѣ раньше случилось мелькомъ познакомиться. Очевидно, деревенскій обыватель любитъ проводить свой праздникъ у домашняго очага. Какая противоположность съ парижаниномъ, который, наоборотъ, можно сказать, совсѣмъ не живетъ дома, проводя весь свой день на службѣ, въ ресторанѣ, на бульварѣ, на улицѣ. „Домашній очагъ“ средняго парижанина, не болѣе, какъ спальня. Отсюда — такое необычайное развитіе уличной жизни въ Парижѣ; я не говорю — „уличнаго движенія“ — это не одно и тоже: уличнаго движенія немало и въ Петербургѣ, и въ Москвѣ, и въ Берлинѣ, и въ Лондонѣ, но уличной жизни я не знаю нигдѣ, кромѣ Парижа.

Впрочемъ, если не на улицѣ, то въ ресторанѣ моего патрона замѣчается сегодня праздничная жизнь. Изъ нижняго этажа доносятся до моего слуха оживленный говоръ, щелканье бильярдныхъ шаровъ, звяканье стакановъ. Пьяныхъ голосовъ однако не слыхать. Впрочемъ, съ чего и пьянымъ-то быть? Пьютъ больше мѣстное „марнское“ вино, очень легкое; потомъ нѣсколько капелекъ какого-нибудь вермута, очень душистаго ликера, разбавленныхъ содовой водой. Потомъ — пиво — оно въ большомъ ходу со времени прусскаго нашествія — одно изъ культурныхъ завоеваній Германіи на французской почвѣ. Но его пьютъ всетаки сравнительно мало, быть можетъ потому, что оно сравнительно дорого, въ одной цѣнѣ съ мѣстнымъ виномъ. Что касается этого „марнскаго вина“, то оно очень слабое, кисловатое, бѣлое съ легкимъ розовымъ оттѣнкомъ, и не имѣетъ ничего общаго съ шам-

папскимъ, кромѣ своей родины — Шампани. Впрочемъ, виноватъ: еще одно есть общее между ними, это — „шампанскія“ бутылки, которыя служатъ одинаково и для марнскаго. Любопытно то, что эти шампанскія бутылки, развозящія въ оба земныя полушарія шампанское всѣхъ марокъ, фабрикуются не во Франціи, а ввозятся изъ Германіи . . . Еще — одно культурное нѣмецкое завоеваніе . . . За обѣденнымъ столомъ, передъ каждымъ приборомъ водружается монументальная „шампанка“, до верху наполненная прямо изъ бочки марнскимъ виномъ. Такова полагающаяся по штату обычная обѣденная порція напитка (это въ счетъ обѣденной цѣны). Эту порцію я однако оказываюсь не въ состояніи осилить и наполовину, къ немалому изумленію моихъ любезныхъ хозяевъ. Кормятъ сытно, какъ говорится, не въ проѣдъ. Столъ простой, но честный, безъ маргарина, и съ честнымъ же напиткомъ изъ винограднаго сока, безъ примѣси сандала и жженой пробки. Кушанья готовитъ сама хозяйка, а ея четырнадцати-лѣтняя шустрая дочка служитъ за метрдотеля и вмѣстѣ за лакея.

Экюри, 7 іюня. Понедѣльникъ. — Въ четверть девятаго отправился сегодня въ „городъ“. Тамъ первымъ дѣломъ — на почту; получилъ нѣсколько писемъ и газетъ „до востребованія“, изъ Россіи. Оттуда — прямо въ архивъ, куда явился въ одно время съ помощникомъ архивиста. Поздоровались, какъ старые знакомые.

— А вы меня не прогоните изъ вашего святилища, куда я отваживаюсь явиться въ столь анархистскомъ костюмѣ? обратился я къ нему шутя, указывая на свое, дѣйствительно, нѣсколько анархистское, но идеально удобное для велосипедной ѣзды одѣяніе, состоящее изъ ипрокихъ легкихъ панталонъ съ чулками до колѣнъ и вязаной шерстяной рубашки (maillot) съ легкимъ пиджакомъ поверхъ.

— Этотъ костюмъ мнѣ тоже не чужой, возразилъ Mr. Экутэнъ. Я, вѣдь, тоже причастенъ къ цикизму. Въ вашемъ положеніи я бы тоже самое сдѣлалъ, но на службѣ,

знаете, нельзя. Только и я, признаться, тоже облегчаю себя, въ нашемъ „святилищѣ“, какъ вы выразились. Жарища такая! . . У меня тамъ на крючкѣ виситъ запасной парусинный пиджачишко . . . .

Мы вмѣстѣ вошли черезъ садикъ въ рабочій кабинетъ архива. Мой спутникъ первымъ дѣломъ совлекъ съ себя свой суконный пиджакъ, который повѣсилъ на крючекъ, рядомъ съ парусиннымъ „пиджачишкомъ“, который и напялилъ взамѣнъ.

— Такъ-то, знаете, куда легче . . .

— Въ такомъ случаѣ вы мнѣ позволите также „облегчить себя“ . . .

— Пожалуйста, безъ церемоніи . . .

— Кстати, для моего пиджака оказывается свободный крючекъ. Вотъ такъ. Распречудесное дѣло — maillot! Не жарко въ немъ, не потѣется, вѣтеркомъ изъ садика насквозь провѣваетъ, вентилируетъ. Въ этомъ костюмѣ никогда не знаешь того состоянія, о которомъ говорится: „мокрый, какъ мышь“ . . . И какое удовольствіе, кромѣ того, не имѣть дѣла съ накрахмаленнымъ бѣльемъ, этимъ нелѣпѣйшимъ изъ пріобрѣтеній новѣйшей цивилизаціи.

Мг. Экутэнъ изумился однако самымъ неподдѣльнымъ образомъ, когда узналъ, что я поселился въ „такой берлогѣ“ („dans un trou pareil“), какъ Экюри, и не смотря на мои объясненія такого выбора, видимо, не могъ вполнѣ взять въ толкъ того, какимъ образомъ можно было предпочесть городу „подобную берлогу“, которую, прибавлю къ слову, онъ зналъ лишь по имени, какъ, вѣроятно, девяносто девять сотыхъ его шалонскихъ согражданъ. Французскій горожанинъ вообще не любитъ деревни и нисколько ей не интересуется; это, конечно, какъ нельзя болѣе гармонируетъ съ его совершеннымъ равнодушіемъ къ „лону природы“. Не будь я иностранцемъ, Мг. Экутэнъ, я увѣренъ, рѣшилъ бы, что у меня здѣсь, „въ верхнемъ этажѣ“, не совсѣмъ въ порядкѣ. Но, въ качествѣ иностранца, я имѣлъ право на болѣе снисходительную мѣрку

для опредѣленія умственной нормальности, потому что всякій иностранецъ, въ глазахъ француза, существо нѣсколько ненормальное. Всякій иностранецъ для него — прирожденный чудакъ. Впрочемъ, говоря по совѣсти, развѣ это, въ самомъ дѣлѣ, не чудачество: иностранецъ, являющійся въ провинціальную глушь, для того чтобы рыться въ мѣстныхъ, покрытыхъ вѣковою пылью, архивныхъ дѣлахъ, и въ добавокъ избирающій мѣстомъ жительства какую-то деревенскую берлогу?... Требовать отъ француза, чтобы онъ принималъ подобное чудачество за нормальное явленіе, это значило бы требовать невозможнаго. Впрочемъ, и не французу только трудно оказывается понять подобныя вещи. Вообще, какъ посмотришь, сколько въ жизни такихъ случаевъ, что оказывается въ высшей степени труднымъ одному человѣку понять другого. И удивительнаго тутъ ничего нѣтъ, когда подумаешь: самъ-то себя человѣкъ всегда ли хорошо понимаетъ?...

Въ полдень архивъ опустѣлъ, такъ какъ Мг. Экутэнъ и я, единственные обитатели архива въ настоящее время, отправились завтракать, онъ — къ себѣ, я — въ ресторанъ. Посчастливилось мнѣ сразу напасть на очень порядочный ресторанчикъ, по сосѣдству съ соборомъ, гдѣ за полтора франка (около 55 к.) накормили очень порядочно завтракомъ, съ обычной бутылкой „марнскаго“ въ той цѣнѣ. Просмотрѣлъ за завтракомъ одну изъ двухъ мѣстныхъ газетъ, подъ названіемъ „L'Union républicaine de la Marne“. Очень порядочная газета. Около половины текста занято мѣстными извѣстіями: масса коротенькихъ корреспонденцій со всѣхъ концовъ департамента. Передовая статья посвящена общей политикѣ, гдѣ самымъ необузданнымъ языкомъ разносится и предается всяческимъ анаѳемамъ правительство Мелина, какъ „реакціонное“, „клерикальное“, и еще Богъ знаетъ какое. Непзбѣжный сенсаціонный романъ въ фельетонѣ. Кромѣ „Республиканскаго союза“, издаются въ Шалонѣ еще двѣ другія ежедневныя газеты въ такомъ же, т. е. большомъ форматѣ. Итого — три большія ежедневныя газеты въ городѣ, насчи-

тывающемъ какихъ-нибудь 25.000 ж., и находящемся въ трехъ-часовомъ разстояніи отъ Парижа, такъ что утреннія парижскія газеты получаются здѣсь къ полудню.

Какимъ образомъ, при такихъ условіяхъ, оказывается возможнымъ существованіе трехъ большихъ мѣстныхъ газетъ? Объясняется это, кажется, главнымъ образомъ двумя обстоятельствами. Во-первыхъ тѣмъ, что ежедневная газета, именно с в о я, мѣстная, сдѣлалась въ настоящее время во французской провинціи общею потребностью, потребностью не города только, но и деревни. Въ деревенскомъ ресторанѣ моего патрона, напримѣръ, получаются всѣ три шалонскія газеты, не считая двухъ парижскихъ. Надо думать, что то же самое имѣется и въ другомъ ресторанѣ, конкурирующемъ въ Экюри съ Муанелевскимъ. По всей вѣроятности, многіе изъ обывателей Экюри и сами выписываютъ одну изъ трехъ шалонскихъ газетъ, смотря, конечно, по своимъ политическимъ симпатіямъ: не считая мѣстныхъ „нотаблей“, именитыхъ гражданъ — мера, священника, школьнаго учителя, — вѣроятно, с в о я газета имѣется не у одного изъ мѣстныхъ крестьянъ, которые здѣсь почти всѣ — маленькіе землевладѣльцы и всѣ болѣе или менѣе зажиточны.

Другое обстоятельство — политика. Это послѣднее обстоятельство объясняетъ совмѣстное существованіе цѣлыхъ т р е х ъ мѣстныхъ газетъ. Мѣстная газета не довольствуется ролью справочника міровыхъ и мѣстныхъ новостей, она стремится быть политическимъ „органомъ“, т. е. орудіемъ „своей“ политической партіи. А такъ какъ мѣстный политическій міръ дѣлится между тремя главными партіями — радикальной, либеральной и консервативной, — то отсюда и это тройственное число мѣстныхъ газетъ.

Послѣ завтрака, запитаго бутылкой „марискаго“ и заключеннаго чтеніемъ мѣстной прессы, опять — въ архивъ, гдѣ по прежнему занялъ свое знакомое мѣстечко за „своимъ“ столомъ, между тѣмъ какъ за другимъ Мг. Экутэнъ разбиралъ и сортировалъ неразобранныя, подлежащія описанію, связки документовъ.

Явился вскорѣ и самъ директоръ архива, или, какъ его обыкновенно здѣсь титулуютъ, — архивистъ, совсѣмъ пожилой человѣкъ, Mr. Пелисье, состарившійся на своемъ настоящемъ мѣстѣ, и согнувшійся надъ разборкой документовъ и составленіемъ ихъ описи, надъ чѣмъ продолжаетъ работать вотъ уже около тридцати лѣтъ — съ усердіемъ, съ любовью, можно сказать даже — съ увлеченіемъ. И дѣйствительно, его архивъ и составленныя имъ описи документовъ представляютъ собою образецъ порядка. Опись, составленная Mr. Пелисье, можетъ служить лучшимъ примѣромъ того, какъ даже въ такой сухой и неблагодарный трудъ можно внести душу и оживить его. Видно, что человѣкъ работалъ не просто лишь затѣмъ, чтобы только съ рукъ да съ ногъ сбыть, потому что служба того требуетъ, но работалъ съ интересомъ, съ любовью, съ наслажденіемъ. Легко, конечно, смѣяться надъ подобнымъ увлеченіемъ, но я преклоняюсь передъ нимъ съ глубокимъ почтеніемъ: оно принадлежитъ къ числу тѣхъ увлеченій, которыя, правда, не создаютъ героя романа, но за-то создаютъ почтеннаго человѣка и полезнаго труженика. Mr. Пелисье, дѣйствительно, представляетъ собою рѣдкій примѣръ ученаго труженика, который на рубежѣ седьмого десятка лѣтъ, не потерялъ ни на іоту своего юношескаго пыла къ научной работѣ. Когда Mr. Пелисье удалился въ свой кабинетъ, Mr. Экутэнъ обмѣнялся со мной нѣсколькими замѣчаніями по его адресу.

— Онъ, вѣдь, совсѣмъ не отъ міра сего, замѣтилъ Mr. Экутэнъ. Вы знаете, онъ до такой степени влюбленъ въ свою работу, что не въ состояніи провести безъ нея одного дня. Даже по воскреснымъ днямъ онъ аккуратно является въ архивъ въ обычное время и работаетъ до завтрака, до полудня, — все работаетъ надъ составленіемъ описи . . . Право, я не видалъ еще подобнаго труженика. Это — труженикъ по призванію въ полномъ смыслѣ . . .[1])

1) Mr. Пелисье, какъ я недавно узналъ, скончался прошлою весной (1903 г.). Миръ праху твоему, скромный труженикъ!

. . . Въ пять часовъ распрощался съ Шалономъ и отправился во-свояси, по прелестной дорогѣ, вьющейся тонкой змѣйкой среди поля зрѣющей пшеницы, въ перемежку съ полосами овса и клевера. А гдѣ же знаменитые шампанскіе виноградники? невольно явился въ моей головѣ вопросъ. Я, вѣдь, воображалъ себѣ Шампань въ видѣ сплошного виноградника, а тутъ — поля, поля и поля, точно гдѣ-нибудь въ Калужской губерніи . . . Дѣйствительно, окрестностямъ Шалона совсѣмъ незнакомы виноградники, хотя почва совершенно такая же, какъ и въ окрестностяхъ Эперпэ, т. е. мѣловая, — до такой степени мѣловая, что дорога имѣетъ видъ бѣловатой полосы, и запыленный путникъ смахиваетъ немножко на мельника. Свѣдущіе люди объяснили мое недоумѣніе. Оказывается, что отсутствіе виноградниковъ здѣсь объясняется отсутствіемъ возвышенностей, которыя необходимы для виноградниковъ, такъ какъ предохраняютъ послѣдніе отъ весеннихъ заморозковъ, отъ которыхъ обыкновенно страдаютъ ровныя и низменныя мѣста.

Экюри, 14 іюня. Понедѣльникъ. — Былъ вчера у обѣдни въ мѣстной приходской церкви. Старина удивительная — ота церковь. Такъ и несетъ отъ ея тяжелыхъ сводовъ глубокимъ средневѣковьемъ. Оказывается, дѣйствительно, постройка ея относится къ тринадцатому вѣку. А она имѣетъ такой видъ, что думается, нипочемъ ей простоять еще столько же столѣтій. Занимаетъ очень милое мѣстоположеніе, близъ рѣчки Кооль, окружена оградой, внутри которой — кладбище, имѣющее веселенькій, улыбающійся, совсѣмъ не траурный видъ, съ своими скромными, но по большей части кокетливыми надгробными памятниками, утопающими въ морѣ цвѣтовъ, и покрытыми множествомъ вѣнковъ изъ жестяныхъ и фаянсовыхъ цвѣтовъ . . . По сосѣдству — столь же древній „пресбитэръ“, т. е. домъ священника. Прелестный уголокъ, располагающій къ мечтательности . . .

Разодѣтые по-праздничному обитатели и въ особенности обитательницы Экюри тянулись вереницей къ церкви, съ мо-

литвенниками въ рукахъ. Внутри церковь оказалась болѣе просторной, чѣмъ можно было ожидать по ея наружному виду, во всякомъ случаѣ — черезчуръ просторной для Экюри. Очевидно, она была построена въ тѣ времена, когда всѣ обитатели Экюри стекались въ ея стѣны на призывный праздничный звонъ. Возможно, и даже очень вѣроятно, что съ тѣхъ поръ Экюри выросла, и, не смотря на это, церковь оказывается черезчуръ просторной для нашихъ дней, когда контингентъ молящихся ограничивается тремя десятками обитательницъ да дюжиной обитателей, считая въ томъ числѣ около трети ребятишекъ школьнаго возраста, преимущественно дѣвочекъ. Значитъ, и въ деревнѣ, какъ въ городѣ, церковь является во Франціи въ наши дни по преимуществу женскимъ учрежденіемъ. Право же, подумалъ я про себя, у моего Муанеля не въ примѣръ болѣе вѣрныхъ кліентовъ, чѣмъ у этого почтеннаго кюрэ, осужденнаго процовѣдовать въ пустынѣ . . . Да, все говоритъ о томъ, что церковь во Франціи есть нѣчто отживающее, если уже не отжившее, — идетъ ли рѣчь о зданіи, или объ учрежденіи — все равно. У нея есть великое, славное, блестящее прошлое, но очень блѣдное, почти жалкое настоящее и . . . и вовсе нѣтъ будущаго. Все въ прошломъ и ничего въ будущемъ . . .

Экюри, 15 іюня. Вторникъ. — Случайно попались подъ руку въ архивѣ документы, относящіеся ко второй половинѣ 18-го столѣтія касательно . . . деревенскихъ крышъ въ Шампани. Довольно объемистая административная переписка между шалонскимъ интендантомъ Руллье д'Орфейль и генералъ-контролеромъ относительно мѣръ борьбы съ деревенскими пожарами, „этимъ бичемъ провинціи", какъ выражается администраторъ. Главную причину пожаровъ онъ усматриваетъ въ соломенныхъ крышахъ, которыми покрыты большая часть деревенскихъ избъ. Гм . . . невольно подумалось мнѣ: соломенныя крыши — совсѣмъ, какъ гдѣ-нибудь въ Тульской губерніи. До сихъ поръ мнѣ пришлось исколесить

немало деревенской Франціи, но я не видалъ ни одной, буквально ни одной соломенной крыши, ни въ Шампани, ни въ какой-либо другой области. Попался подъ руку даже списокъ, составленный интендантомъ въ семидесятыхъ годахъ восемнадцатаго столѣтія, — списокъ всѣхъ деревенскихъ построекъ-съ отмѣткой о крышахъ: соломенная, черепичная, грифельная. Нахожу въ спискѣ имя деревни Экюри. Что же? Оказывается, чуть не вся сплошь соломенная! Въ настоящее время — ни одной соломенной крыши, всѣ безъ исключенія — либо черепичныя, либо грифельныя.

Освѣдомляюсь у Мг. Экутэна: часты у васъ пожары въ деревняхъ?

— Очень рѣдки.

— Гм . . . Итакъ, французской деревнѣ незнакомъ болѣе тотъ „страшный бичъ“, отъ котораго она страдала сто съ лишкомъ лѣтъ тому назадъ . . ., и который продолжаетъ терроризировать каждое лѣто нашу россійскую соломенную деревню — невольно досказала мнѣ моя мысль. А отчего бы, въ самомъ дѣлѣ, и нашей деревнѣ не воспользоваться примѣромъ ея французской сестры, какъ полезнымъ урокомъ и вмѣстѣ — практическимъ указаніемъ? Я говорю: „практическимъ указаніемъ“, потому что сказать: пусть наша деревня переодѣнется, по примѣру французской, изъ соломы въ черепицу, и дѣло въ шляпѣ, — сказать это, очевидно, не значитъ указать практическое разрѣшеніе вопроса. Практическихъ указаній надо поискать — и ихъ нетрудно найти — въ ознакомленіи съ тѣми путями и способами, какими французская деревня успѣшно совершила свое благодѣтельное переодѣванье — изъ соломы въ черепицу (о грифелѣ намъ говорить не приходится, разъ у насъ мало доступенъ). Починъ въ данномъ случаѣ шелъ, какъ оказывается, не отъ деревни, которая во Франціи восемнадцатаго столѣтія была такою же косной, неподвижной и неподатливой на разныя новшества, какъ и наша россійская, — а отъ мѣстной администраціи, которая нашла себѣ сочувственную и дѣятельную поддержку со стороны центральнаго правительства. Первое время правительство думало достигнуть цѣли путемъ простой регла-

ментаціи. Запретить дѣлать соломенныя крыши — и дѣло съ концомъ. Чего же проще? Только въ результатѣ такого запрещенія оказалось, что множество деревенскихъ избъ очутились вовсе безъ крышъ или съ прогнившими и провалившимися крышами, а злополучные обитатели такихъ избёнокъ оказались беззащитными жертвами дождей и непогоды. Иначе и быть не могло: перекрыть соломой свою лачугу мужикъ не могъ — начальство не позволяетъ, покрыться черепицей — не позволяетъ карманъ. Тогда правительство догадалось, что не достаточно запретить обывателю сооружать непрактичную, непрочную и опасную въ пожарномъ отношеніи, но дешевую и доступную ему соломенную крышу: нужно вмѣстѣ съ тѣмъ дать ему фактическую возможность замѣнить ее другой, болѣе прочной, но за то и не въ примѣръ болѣе дорогой, черепичной. Разъ было это понято, была уловлена практическая суть всего вопроса. Требовалось найти тѣ средства, путемъ которыхъ можно было бы облегчить обывателю замѣнить провалившуюся соломенную крышу черепичной. Такія средства всегда имѣются въ изобиліи въ рукахъ всякаго сколько-нибудь дѣятельнаго правительства. Французское правительство остановилось на той ихъ категоріи, которую можно назвать системой поощренія. Выборъ оказался удачнымъ, какъ показала практика. Мѣры правительства увѣнчались самымъ блестящимъ успѣхомъ и при томъ въ самомъ непродолжительномъ времени. Въ самомъ дѣлѣ, жалобы на опустошительные деревенскіе пожары, — жалобы, которыми переполнена административная переписка семидесятыхъ годовъ восемнадцатаго столѣтія, становятся послѣ принятыхъ мѣръ все рѣже и рѣже, и уже въ восьмидесятыхъ годахъ того же столѣтія замѣчается значительное ослабленіе пожарности деревни, параллельно съ постепенной замѣной соломенныхъ крышъ черепичными. Мнѣ не удалось только найти указаній въ документахъ, къ какому времени относится окончательное исчезновеніе соломенныхъ крышъ: надо думать, что это имѣло мѣсто не ранѣе послѣднихъ лѣтъ восемнадцатаго столѣтія или первыхъ лѣтъ девятнадцатаго.

Что касается теперешней французской деревни, то она уже не нуждается, очевидно, ни въ какихъ правительственныхъ поощреніяхъ для эмансипаціи отъ соломенныхъ крышъ: она гарантирована отъ послѣднихъ своею зажиточностью, позволяющею ей иногда даже нѣкоторую роскошь — въ видѣ встрѣчающихся изрѣдка въ деревнѣ кирпичныхъ домовъ съ грифельными крышами. Быть можетъ, со временемъ, лѣтъ двѣсти спустя, и наша деревня станетъ наконецъ твердо на ноги, подобно своей старшей французской сестрѣ, но пока-что, она находится въ настоящее время приблизительно въ такомъ же положеніи, въ какомъ мы видимъ французскую деревню полтораста лѣтъ тому назадъ.

А отчего бы, думается, и намъ не попытать того средства, которое увѣнчалось столь блестящимъ успѣхомъ въ старой Франціи? Въ чемъ же заключалось это средство? Въ чемъ заключалась указанная мною выше „система поощреній“? Поощренія эти шли въ двухъ направленіяхъ. Одни направлены были на постройку черепичныхъ крышъ, другія — на основаніе и развитіе черепичныхъ заводовъ. Одно было естественнымъ и необходимымъ дополненіемъ другого. Средства поощренія были какъ нельзя болѣе просты. Всякій, кто устраивалъ у себя черепичную крышу, получалъ частичное или полное, смотря по обстоятельствамъ, освобожденіе отъ податей въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Подобная же льгота распространялась и на предпринимателей, устраивавшихъ черепичные заводы; иногда, сверхъ того, давалась еще и денежная субсидія отъ казны. Не знаю, право, что мѣшало бы намъ испробовать подобную систему, которая, думается мнѣ, была бы у насъ еще легче осуществима, чѣмъ въ старой Франціи. Въ самомъ дѣлѣ, въ старой Франціи главной своею тяжестью государственный бюджетъ ложился на деревню, и отказываясь отъ извѣстной части податей съ деревни, казна урѣзывала свой главный доходъ; у насъ же, крестьянская подать составляетъ сравнительно незначительную долю государственныхъ доходовъ, и льгота въ указанномъ направленіи въ

пользу деревни во всякомъ случаѣ не могла бы отозваться чувствительно на послѣднихъ, особенно по сравненію съ тою зіяющею брешью, которую ежегодно производитъ въ народномъ бюджетѣ, а слѣдовательно и въ бюджетѣ государственномъ, „красный пѣтухъ“. Государственная казна, не отступающая передъ колоссальными жертвами на борьбу съ временнымъ и „чрезвычайнымъ“ народнымъ бѣдствіемъ, голодомъ, не должна бы, казалось, пугаться гораздо болѣе скромныхъ жертвъ для борьбы съ пожарной бѣдой, этимъ бѣдствіемъ не временнымъ, а постояннымъ, хроническимъ и, если можно такъ выразиться, „регулярнымъ“. Затѣмъ, что касается выдѣлки черепицы, то во многихъ мѣстахъ она могла бы привиться у насъ съ еще большею легкостью, чѣмъ во Франціи. Въ бо́льшей части Россіи нѣтъ, вѣдь, недостатка ни въ глинѣ, ни въ топливѣ для обжиганія черепицы.

17 іюня, четвергъ. — Сегодня праздникъ, такъ называемый „Божій Праздникъ“, Fête-Dieu. День неприсутственный. Вмѣсто обычнаго архивнаго визита, сдѣлалъ по этому случаю прогулку . . . въ лагерь Атиллы, этого „бича Божія“, который, четырнадцать съ половиною столѣтій тому назадъ, съ полчищами своихъ гуннovъ опустошительной саранчей пронесся по всей Европѣ, отъ Волги и Урала до Сены и Луары . . .

Экскурсію эту сдѣлалъ я на этотъ разъ не одинъ, а въ. обществѣ одного француза-пріятеля, котораго неожиданнымъ образомъ открылъ въ Шалопѣ. Это — молодой французскій офицеръ, Мг. Латронъ, съ которымъ я имѣлъ случай познакомиться въ одномъ знакомомъ семействѣ въ Парижѣ. Я не зналъ, что въ настоящее время онъ на службѣ въ Шалонѣ. Какъ бы то ни было, я крайне обрадовался, открывъ хотя одного знакомаго человѣка въ Шалонѣ, гдѣ я считалъ себя совершенно одинокимъ въ чужомъ городѣ. Пользуясь недолгимъ отпускомъ по случаю праздника, Мг. Латронъ предложилъ мнѣ прогуляться въ лагерь „моего соотечественника“

Атиллы, на что я конечно охотно согласился, такъ какъ уже ранѣе намѣтилъ въ умѣ эту экскурсію. Латронъ оказался такимъ „рѣзвымъ“ циклистомъ, что мнѣ, какъ новичку въ этомъ спортѣ, приходилось постоянно придерживать его пылъ, въ особенности на подъемахъ, которыми изобилуетъ дорога, ведущая къ лагерю. Верстахъ въ двѣнадцати отъ Шалона мы свернули съ шоссе на проселочную дорогу, тянущуюся вдоль маленькой рѣчушки Ноблеттъ (Noblette). Еще четверть часа ѣзды, и мы очутились передъ высокимъ землянымъ валомъ, обросшимъ ивнякомъ и предшествуемымъ широкимъ, но неглубокимъ рвомъ. Мы были передъ „лагеремъ Атиллы“.

Мы вскарабкались на верхушку вала. Отсюда весь „лагерь“ былъ передъ нами, какъ на ладони. Это — довольно обширное пространство, обнесенное огромнымъ, массивнымъ землянымъ валомъ, съ очень широкимъ и когда-то, вѣроятно, глубокимъ рвомъ. Валъ и рвы густо поросли травой и ивнякомъ, а все почти четырехъ-угольное пространство внутри вала представляетъ „волнующуюся ниву“ зрѣющей роскошной пшеницы, горделиво колыхающейся своими наливающимися колосьями, точно въ насмѣшку надъ легендарной поговоркой, что „гдѣ конь Атиллы ступилъ своимъ копытомъ, тамъ и трава не растетъ“ . . . Мѣсто, видѣвшее когда-то кровопролитнѣйшую изъ битвъ, каталаунскую, представляетъ въ настоящую пору идиллическую картину сельскаго преуспѣянія и буколическаго мира . . .

Съ одной стороны валъ опускается почти отвѣсно къ омывающей его рѣчкѣ Ноблеттъ. Валъ образуетъ фигуру средпюю между кругомъ и квадратомъ, нѣсколько болѣе полуторы версты въ окружности и около полуверсты съ небольшимъ въ діаметрѣ. Въ этомъ неправильной формы кольцѣ имѣются четыре прорѣза: это — входы, при помощи которыхъ внутренность лагеря сообщалась съ внѣшнимъ міромъ. Неправильность и грубость этого колоссальнаго сооруженія говоритъ о спѣшной работѣ миріадовъ рабочихъ рукъ. Но что особенно поразительно, это — сравнительная цѣлость, въ какой сохранились

до нашихъ дней эти земляныя сооруженія, вынесшія на себѣ четырнадцать столѣтій. Быть можетъ, это объясняется свойствами почвы, которая здѣсь, какъ въ большей части Шампани, представляетъ собою почти сплошную мѣловую массу, которая отличается выносливостью къ атмосферическимъ вліяніямъ.

Въ девятнадцатомъ столѣтіи были произведены многочисленныя раскопки какъ внутри лагеря, такъ и вокругъ него. Было найдено множество различныхъ предметовъ: утвари, оружія, монетъ, при чемъ послѣднія всѣ носятъ дату, предшествующую 451 г., датѣ каталаунской битвы; найдено также много человѣческихъ скелетовъ. Все это говоритъ въ пользу вѣроятности преданія, связывающаго эту мѣстность съ каталаунской битвой, а описанныя земляныя сооруженія — съ именемъ Атиллы. Только былъ ли „лагерь“ построенъ Атиллою, или же послѣдній воспользовался при этомъ уже до него существовавшими сооруженіями, воздвигнутыми ранѣе галлами или римлянами, это вопросъ, въ разрѣшеніи котораго мѣстные археологи расходятся. Врядъ ли однако возможно приписать римлянамъ столь неискусное, варварски-грубое сооруженіе, какое представляетъ изъ себя „лагерь Атиллы“.

— Хотите, предложилъ мнѣ мой спутникъ, — прогуляемся отсюда къ деревенькѣ Бюсси (Bussy), въ нѣсколькихъ километрахъ отсюда; тамъ есть два интересныхъ кургана.

— Съ удовольствіемъ.

Чрезъ нѣсколько минутъ „лагерь Атиллы“ былъ уже далеко у насъ за спиной; скоро миновали мы и деревушку Бюсси, и проѣхавъ еще нѣсколько десятковъ шаговъ, очутились передъ небольшимъ курганомъ, похожимъ на стогъ свѣжаго сѣна. Вся его поверхность была почти сплошь покрыта кустами вишень, вѣроятно, посѣянныхъ здѣсь вѣтромъ. Вокругъ кургана разбитъ маленькій садикъ съ незатѣйливыми цвѣтниками и множествомъ молоденькихъ деревецъ различныхъ породъ: очевидно, древесный разсадникъ или питомникъ (pépinière). — одинъ изъ тѣхъ, которые во Франціи встрѣчаются на каждомъ шагу. Садикъ обнесенъ довольно убогой деревянной изгородью. Дверка, ведущая въ

садикъ, заперта висячимъ замкомъ, но возлѣ нея широкая брешь въ изгороди, закрытая лишь для модели доской, и чрезъ эту брешь, какъ видно по протореннымъ слѣдамъ, ходятъ всѣ, кому надо, не тревожа двери съ ея замкомъ, существующей, очевидно, только „для порядка“ . . . Никого не видать кругомъ, только поодаль одинокій мужичекъ, въ неизмѣнной синей блузѣ, мечетъ сѣно на высокую двухколесную телѣгу.

— Эй, послушайте-ка, крикнулъ ему мой спутникъ, — кому принадлежитъ этотъ курганъ?

— Департаменту, — донесся до насъ отвѣтъ.

Это значитъ, что собственникомъ кургана является „департаментъ Марны“.

— Можно попасть внутрь?

— Можно.

— А гдѣ же сторожъ?

— А сторожемъ тутъ мѣстный кантонистъ (человѣкъ, на обязанности котораго лежитъ смотрѣть за постоянной исправностью дороги на своемъ участкѣ) [1]). Видно онъ отлучился. Да вы и такъ можете войти туда. Видите, тутъ рядомъ съ дверью прорѣха . . . Очень просто . . .

Согласившись, что это, дѣйствительно, „очень просто“, черезъ минуту мы уже попирали нашими ногами владѣнія „марнскаго департамента“. Хозяйственный департаментъ, надо ему отдать справедливость: разсадникъ развелъ на своемъ микроскопическомъ клочкѣ величиной немного болѣе хорошей столовой скатерти. Не пропадай молъ даромъ земля. А въ результатѣ получилось нѣчто, дѣйствительно, очень милое: вмѣсто голаго пустыря, маленькая сельскохозяйственная идиллія, и немножко политической экономіи въ придачу.

Удивительно, однако, что курганъ остается до сихъ поръ

---

1) Наличность „института“ дорожныхъ кантонистовъ во Франціи объясняетъ поразительную, и при томъ *всегдашнюю*, исправность французскихъ дорогъ, не только большихъ, но и проселочныхъ.

нетронутымъ. Возможно, впрочемъ, что раскопки въ свое время были произведены, но слѣды ихъ намѣренно потомъ уничтожены. Въ двухъ десяткахъ шаговъ стоитъ другой курганъ, или вѣрнѣе — развалины кургана, носящія на себѣ краснорѣчивые слѣды довольно безцеремонныхъ раскопокъ . . . Замѣчу мимоходомъ, что курганы — большая рѣдкость во Франціи. До сихъ поръ это первый случай что мнѣ приходится встрѣчать на почвѣ Франціи обращики этихъ первобытныхъ сооруженій.

Отсюда мы направились по „римскому шоссе“ [1]), большой дорогѣ соединяющей городъ Баръ-ле-Дюкъ (Bar-le-Duc) съ Реймсомъ, и пересѣкающей „національную дорогу“, по которой мы сдѣлали свой переѣздъ отъ Шалона. До пересѣченія съ послѣдней „римское шоссе“ проходитъ вблизи „лагеря Атиллы“, оставляя его въ полуверстѣ влѣво. Близъ пункта пересѣченія двухъ названныхъ путей начинается граница нынѣшняго „шалонскаго лагеря“ (camp de Châlons), занимающаго огромную площадь около полутораста квадратныхъ километровъ [2]) поверхности. На этой территоріи имѣлъ мѣсто знаменитый смотръ французскихъ войскъ, происходившій въ присутствіи Государя Императора, въ прошломъ октябрѣ (по новому стилю).

20 іюня, воскресенье. — Вотъ ужъ двѣ недѣли, что я живу въ Шампани, между городомъ и деревней, и между прочимъ сейчасъ только замѣтилъ одинъ отрицательный фактъ: ни разу до сихъ поръ не встрѣтилъ ни одного нищаго. Впрочемъ виноватъ: видѣлъ одного, но не въ деревнѣ, а въ Шалонѣ, гдѣ встрѣчаю его чуть не ежедневно. Это слѣпой и сѣдой, какъ лунь, старикъ, медленно сѣменящій за своимъ путеводителемъ, огромной собакой; она ведетъ слѣпца за веревочку, конецъ которой старикъ держитъ въ правой рукѣ, а въ лѣвой — чашечку для подаяній. Весь Шалонъ знаетъ

---

1) Проведенному еще римлянами. Такихъ „римскихъ шоссе“, или „римскихъ дорогъ“ довольно много во Франціи.

2) Километръ почти равенъ верстѣ (немножко менѣе послѣдней).

эту неразлучную пару. Это одна изъ мѣстныхъ достопримѣчательностей. Къ этой фигурѣ такъ всѣ привыкли, что никому и въ голову не приходитъ, даже полиціи — „обратить вниманіе“ на подобный непорядокъ и „пресѣчь“ это явное нарушеніе строго соблюдаемаго во Франціи закона противъ нищенства. Какъ бы то ни было, это буквально — единственный нищій въ цѣломъ городѣ, а, быть можетъ, и въ цѣломъ департаментѣ. Во всякомъ случаѣ ни въ Экюри, ни въ другихъ ближайшихъ деревняхъ, которыя мнѣ приходилось проѣзжать на велосипедѣ, мнѣ не случилось до сихъ поръ встрѣтить ни одного нищаго. Потому что запрещено, быть можетъ? Но вотъ фактъ. Въ восемнадцатомъ столѣтіи деревенская Франція кишѣла нищими: объ этомъ единогласно свидѣтельствуютъ и заѣзжіе путешественники, въ родѣ англичанина Юнга, и мѣстные администраторы, отмѣчающіе нищенство, какъ второй „бичъ“ деревни, послѣ пожаровъ. А между тѣмъ законы противъ нищенства тогда были еще строже, и нищихъ, безъ всякихъ церемоній, полиція хватала, гдѣ попало, и бросала въ отвратительныя, промозглыя тюрьмы, гдѣ узники дохли, какъ мухи, отъ грязи, вони и скверной ѣды. И всѣ эти жупелы, какъ оказывается, нисколько не мѣшали французской деревнѣ кишмя-кишѣть нищими. Не въ запрещеніи и не въ преслѣдованіи, стало быть, дѣло, потому что нельзя запретить человѣку быть бѣднымъ, и умирающему съ голоду — протягивать свою руку за кускомъ хлѣба. Нищенство исчезло во французской деревнѣ вмѣстѣ съ бѣдностью и голодомъ.

Дѣйствительно, современная французская деревня дышетъ зажиточностью и матеріальнымъ довольствомъ, — не избыткомъ, а именно — довольствомъ. Поползновеній къ роскоши, къ расточительности нигдѣ незамѣтно — французскій крестьянинъ бережливъ и скупъ, — но всюду виденъ достатокъ, позволяющій жить скромно, но безбѣдно, — жить своимъ домомъ, своимъ хозяйствомъ, на собственномъ, благопріобрѣтенномъ или унаслѣдованномъ отъ отцовъ и дѣдовъ клочкѣ земли. Во Франціи почти каждый крестьянинъ — собственникъ своего

участка, маленькій помѣщикъ. Что касается шампанской деревни, то это — общее правило, допускающее мало исключеній. Каждый крестьянинъ имѣетъ свой клочекъ земли, иногда крошечный до смѣшного, но благодаря до крайности тщательной обработкѣ и удобренію, прокармливающій своего хозяина. У каждаго крестьянина-собственника есть по крайней мѣрѣ одна лошадь и одна корова, у болѣе бѣдныхъ — только одна корова, которая въ этомъ случаѣ замѣняетъ ему и лошадь на пашнѣ. Но это — почти исключеніе. Есть и безземельные бобыли, добывающіе себѣ пропитаніе трудомъ батрака у зажиточныхъ крестьянъ; но и бобыль почти всегда имѣетъ свою маленькую избушку съ неизбѣжнымъ садикомъ подъ окнами и огородикомъ на задахъ, и непремѣнно одну коровку, какъ неизбѣжную принадлежность хотя бы самаго маленькаго хозяйства.

23 іюня, понедѣльникъ. — Вотъ ужъ три недѣли прошло со времени моего переселенія въ Экюри. Живу себѣ какъ ни въ чемъ не бывало, и даже нѣсколько удивленъ . . . виноватъ, былъ удивленъ до сегодня, — удивленъ, какъ это мое присутствіе, присутствіе иностранца въ деревенской глуши, — невѣдомо откуда и зачѣмъ сюда явившагося, ведущаго довольно странный, чтобы не сказать загадочный образъ жизни, совсѣмъ непохожій на образъ жизни туземныхъ обывателей, — какъ все это, говорю, не возбудило до сихъ поръ никакихъ толковъ и подозрительности среди мирныхъ обывателей богоспасаемой веси. Даже посмѣивался немножко себѣ въ кулакъ надъ предостереженіями моихъ парижскихъ друзей . . . До сегодняшняго утра я и не подозрѣвалъ, до какой степени правы были мои друзья. Впрочемъ, приключеніе вышло тѣмъ забавнѣе, чѣмъ болѣе оно мнѣ представлялось неправдоподобнымъ, и, признаюсь, давно не смѣялся я такъ искренно, отъ души, какъ сегодня утромъ. Оказывается, что, вопреки моей увѣренности, что все обстоитъ благополучно, пребываніе мое въ Экюри сразу обратило на себя всеобщее вниманіе и скоро возбудило въ нѣкоторыхъ изъ мѣстныхъ

патріотовъ тревожныя опасенія за безопасность отечества, т. е. уже не Экюри только, но и Франціи — ни болѣе, ни менѣе . . .

Но изложу, какъ было дѣло, по порядку.

Сегодня утромъ, по обыкновенію, являюсь въ архивъ къ девяти часамъ. Занимаю свое привычное мѣсто и начинаю рыться въ связкахъ документовъ. Мг. Экутэнъ, тоже по обыкновенію, копается съ своими бумагами за другимъ столомъ, въ двухъ-трехъ шагахъ отъ меня. Нѣсколько минутъ спустя является еще одинъ посѣтитель, здоровается съ Мг. Экутэномъ и садится противъ меня за тѣмъ же столомъ. Передъ нимъ является такая же связка архивныхъ документовъ, какъ и у меня.

Присутствіе незнакомца нисколько меня не удивило и даже не обратило особеннаго моего вниманія. Его физіономія была уже мнѣ немножко знакома. Какъ-то на дняхъ онъ тоже приходилъ въ архивъ, кажется, въ субботу, третьяго дня, и съ полчаса разбиралъ какія-то бумаги за однимъ столомъ со мной. Я и тогда не обратилъ на него вниманія, такъ какъ былъ слишкомъ погруженъ въ свои документы. Помню, что тогда, въ его присутствіи, у меня завязался съ Мг. Экутэномъ разговоръ на счетъ парижскихъ архивовъ, и въ этотъ разговоръ, продолжавшійся, правда, какихъ-нибудь пять минутъ, вмѣшался и мой незнакомецъ, котораго, какъ мнѣ показалось, очень заинтересовали парижскіе архивы и существующіе въ нихъ порядки. Присутствіе незнакомца, въ которомъ я видѣлъ своего „коллегу“ по архивнымъ изысканіямъ, было мнѣ даже пріятно: все-таки чувствуешь себя не такъ одиноко и не такимъ чудакомъ, когда видишь рядомъ съ собой человѣка, интересующагося и занимающагося тѣмъ же дѣломъ. Недурно бы познакомиться съ этимъ архивнымъ изслѣдователемъ, подумалось мнѣ. Я не предполагалъ, что мнѣ предстояло съ нимъ познакомиться даже и помимо моего желанія, — и ждать мнѣ долго не пришлось . . . Мг. Экутэнъ какъ-то незамѣтно исчезъ изъ рабочаго

кабинета. Мы остались вдвоемъ съ незнакомцемъ. Я продолжалъ заниматься. Вдругъ мой незнакомецъ поднимается съ мѣста, медленно подходитъ ко мнѣ и съ какимъ-то озабоченнымъ и вмѣстѣ таинственнымъ выраженіемъ на лицѣ обращается ко мнѣ почти вполголоса:

— Я имѣю честь видѣть предъ собой Мг. Ардашева, не правда ли? обратился онъ ко мнѣ.

Я поднялъ на него свои широко раскрытые, удивленные глаза.

— Да, отвѣтилъ я коротко съ видомъ самаго неподдѣльнаго изумленія на лицѣ.

— Въ такомъ случаѣ, продолжалъ мой собесѣдникъ, продолжая стоять передо мной, — въ такомъ случаѣ я долженъ сообщить вамъ нѣчто очень для васъ непріятное . . .

Моя фигура изобразила соединеніе вопросительнаго знака съ восклицательнымъ. Отъ изумленія я не могъ выговорить ни слова и въ глубокомъ недоумѣніи ожидалъ продолженія этого загадочнаго для меня монолога.

— На васъ подана жалоба . . ., продолжалъ мой загадочный собесѣдникъ, а я отъ неожиданности и изумленія настолько утратилъ всякую сообразительность, что продолжалъ чистосердечно недоумѣвать и на этотъ разъ изобразилъ своею фигурой по крайней мѣрѣ двойную пару вопросительныхъ и восклицательныхъ знаковъ.

— Жалоба на васъ со стороны нѣкоторыхъ изъ жителей Экюри . . .

Употреби мой собесѣдникъ въ данномъ случаѣ болѣе точный терминъ: д о н о с ъ, вмѣсто намѣренно смягченнаго — „жалоба“, повязка у меня моментально спала бы съ глазъ. Но „жалоба“? . . Жители Экюри какіе-то на меня жалуются. Значитъ имъ я что-то сдѣлалъ. Что бы такое могъ я кому причинить изъ обывателей Экюри, изъ которыхъ я знакомъ лишь съ однимъ Муанелемъ? Не онъ же на меня жаловался? Да, наконецъ, к о м у жалуются? . . Что этотъ незнакомецъ, судья что ли, а здѣсь судейская камера? . . .

— Простите, — прервалъ я, наконецъ, загадочный для меня монологъ, — я не понимаю, не понимаю рѣшительно ни одного слова, съ начала до конца, изо всего, что я отъ васъ услышалъ сейчасъ. Не понимаю также, какая связь можетъ быть между какой-то жалобой на меня и Вами. Будьте любезны объяснить, въ чемъ дѣло, и позвольте узнать, съ кѣмъ имѣю честь говорить.

Искренность моего изумленія произвела, видимо, успокоивающее впечатлѣніе на моего собесѣдника. Озабоченность и таинственность почти исчезли съ его лица, онъ пододвинулъ себѣ стулъ и сѣлъ противъ меня, очевидно, приготовившись къ болѣе продолжительной бесѣдѣ.

— Извольте, я вамъ объясню все подробно. Я думалъ, что вы уже догадались, въ чемъ дѣло. Вижу, что вы, дѣйствительно, изумлены и озадачены моими словами, и это меня очень успокоиваетъ и убѣждаетъ въ томъ, что я не ошибся, и что авторы жалобы не правы . . . Видите ли какое дѣло . . . Ваше пребываніе въ Экюри возбудило подозрѣнія . . .

— Те-те-те . . . . Вотъ оно что. Тутъ я все понялъ . . .

— Возбудило подозрѣнія въ нѣкоторыхъ изъ мѣстныхъ жителей, которые и довели о своихъ подозрѣніяхъ до свѣдѣнія префектуры . . .

— Такъ и есть, такъ и есть . . . Какъ однако правы были мои парижскіе друзья, — подумалъ я невольно въ эту минуту. Такъ вотъ оно что! Значитъ, мѣстные политики рѣшили наконецъ по-своему ту загадку, которую представляло для нихъ это странное появленіе въ обитаемой ими мирной берлогѣ невѣдомо откуда и зачѣмъ явившагося иностранца, ведущаго вдобавокъ такой странный, загадочный, совсѣмъ непонятный образъ жизни: поселился въ деревнѣ, а самъ цѣлый день разъѣзжаетъ гдѣ-то на велосипедѣ, вдобавокъ почти всегда съ фотографическимъ аппаратомъ. Для чего? Что такое онъ фотографируетъ? Что ему здѣсь надо? Чего ищетъ? Что потерялъ? Странно, дѣйствительно . . . Ужъ не нѣмецкій ли шпіонъ это, чего добраго? . . .

Все это молніей понеслось въ моей головѣ. Теперь мнѣ было все ясно, и я не могъ удержаться отъ улыбки. Тутъ же для меня стало ясно и истинное званіе моего собесѣдника, который въ эту минуту счелъ наконецъ благовременнымъ открыть свое инкогнито.

— Я начальникъ здѣшняго отдѣленія по надзору за иностранцами (то-есть откровеннѣе выражаясь — за шпіонами, пояснилъ я про себя).

— Очень пріятно, отвѣчаю я съ сдержанной улыбкой, располагаясь, теперь уже безъ всякаго недоумѣнія на лицѣ, а лишь съ интересомъ и любопытствомъ, слушать продолженіе столь озадачившаго меня въ началѣ монолога.

— Въ прошлую субботу, какъ припомните, я приходилъ сюда, — продолжалъ онъ.

— Какже, припоминаю. Мы даже успѣли обмѣняться съ Вами нѣсколькими фразами. Я былъ увѣренъ, что имѣлъ въ вашемъ лицѣ дѣло съ коллегой по архивнымъ изысканіямъ. Теперь я вижу, что цѣль вашего визита была совсѣмъ не изслѣдованіе архивныхъ документовъ, а наблюденіе за мной, не такъ ли?

— Совершенно вѣрно; я явился лично сюда, чтобы на основаніи собственныхъ впечатлѣній провѣрить поступившій на васъ доносъ . . .

— Интересно бы знать ваше впечатлѣніе, если это не секретъ, — проговорилъ я съ непритворной веселостью, которая окончательно разогнала оффиціально-кислое выраженіе съ физіономіи моего собесѣдника. Мнѣ это тѣмъ интереснѣе, что въ первый разъ въ жизни на мою долю выпала честь быть предметомъ наблюденія со стороны . . . со стороны начальника отдѣленія для наблюденія за шпіонами . . .

— За иностранцами, — поправилъ онъ меня.

— Ну, за иностранцами, которые шпіонятъ, это все равно . . . Ну, и вы нашли, что я похожъ на нѣмецкаго шпіона, не такъ ли?

— Полноте, Мг.! Если бы это было такъ, то я бы не

имѣлъ удовольствія такъ дружески бесѣдовать съ вами въ настоящую минуту. Перваго же моего визита сюда было вполнѣ достаточно, чтобы убѣдиться въ нелѣпости доноса, настоящій же мой разговоръ съ вами разсѣялъ окончательно всякую тѣнь сомнѣній на этотъ счетъ.

— Очень радъ.

— Но вы знаете, — продолжалъ послѣ нѣкоторой паузы мой собесѣдникъ, — не такъ-то легко убѣдить доносчиковъ въ ихъ ошибкѣ. Они, по всей вѣроятности, будутъ настаивать на своемъ . . . Они способны пойти далѣе, обратиться въ Парижъ. О, вы не знаете, до какой степени нашъ мужикъ упрямъ и настойчивъ! Необходимо дать имъ документальное доказательство ихъ ошибки . . .

— Но нѣтъ ничего легче этого. Стоитъ вамъ только потребовать у меня мой паспортъ . . .

— У васъ есть паспортъ?! почти вскричалъ мой собесѣдникъ, совсѣмъ просіявъ.

— Помилуйте, да какъ же иначе? Вѣдь, у насъ въ Россіи иначе и нельзя выѣхать заграницу, какъ заручившись надлежаще засвидѣтельствованнымъ паспортомъ.

— Ахъ, какъ это хорошо! Послѣ этого не останется мѣста никакимъ недоразумѣніямъ.

— Къ сожалѣнію, долженъ Вамъ сказать, что со мной паспорта сейчасъ нѣтъ, онъ у меня на квартирѣ, но если нужно, мнѣ не составитъ затрудненія съѣздить домой и сейчасъ же вручить вамъ мою бумагу, и дать вамъ возможность успокоить почтенныхъ обывателей Экюри, что мое присутствіе нисколько не угрожаетъ безопасности ихъ отечества . . .

— Ахъ, нѣтъ, зачѣмъ же безпокоиться. Это не такъ ужъ спѣшно; мнѣ и безъ того совѣстно, что я отрываю васъ отъ вашей работы.

— Мнѣ, признаюсь, тоже совѣстно, что моя особа послужила причиной безпокойства для васъ . . .

— Ну, чтожъ, это наша обязанность, служба . . . — воз-

разилъ мой собесѣдникъ съ меланхолической ноткой въ голосѣ. Вы, вѣдь, вѣроятно, завтра будете опять въ архивѣ?

— Непремѣнно.

— Ну, такъ вотъ, если бы вы могли потрудиться захватить съ собой вашъ паспортъ? . .

— Съ превеликимъ удовольствіемъ . . . Что касается меня лично, продолжалъ я, то, признаюсь, это маленькое приключеніе слишкомъ забавно, чтобы быть непріятнымъ . . . Оно, если угодно, даже не совсѣмъ неожиданно для меня. По крайней мѣрѣ, то, что сейчасъ со мной случилось, было мнѣ предсказано почти буквально моими парижскими друзьями. Только мнѣ что-то не вѣрилось, чтобы это могло случиться со мной, русскимъ, въ дружественной намъ Франціи. Хотя, сознаюсь, въ глубинѣ души я почти желалъ, чтобы нѣчто подобное случилось. Ужасно люблю переживать невѣроятныя приключенія, — а что же можно вообразить себѣ невѣроятнѣе всей этой исторіи? . . Только, въ интересахъ истины, считаю все-таки нужнымъ прибавить, что съ моей стороны было сдѣлано все отъ меня зависѣвшее, для того чтобы предупредить возможность возникновенія подобныхъ недоразумѣній, и съ этою цѣлью я сдѣлалъ въ свое время соотвѣтствующій шагъ, для того чтобы поставить мѣстную администрацію въ извѣстность относительно моей личности. Въ качествѣ заѣзжаго иностранца, я счелъ своимъ долгомъ, тотчасъ по пріѣздѣ въ Шалонъ, сдѣлать визитъ въ префектуру. Г. Префектъ тогда не нашелъ нужнымъ видѣть меня лично и направилъ меня прямо въ архивъ, — это конечно его дѣло. Но не могу не высказать здѣсь своей увѣренности въ томъ, что недоразумѣніе, которое произошло сейчасъ, не могло бы имѣть мѣста, если бы г. Префектъ счелъ тогда нужнымъ познакомиться со мною лично.

— Да, возразилъ мой собесѣдникъ, какъ бы припоминая что-то, — въ то время г. Префектъ былъ, кажется, въ отсутствіи . . .

— Можетъ быть, — согласился я, хотя мнѣ и было несовсѣмъ понятно, какимъ образомъ отсутствовавшій префектъ

могъ выслать мнѣ съ приставомъ свой отвѣтъ изъ своего кабинета . . . Затѣмъ, продолжалъ я, — переселившись въ Экюри, я опять-таки первымъ дѣломъ, сдѣлалъ визитъ въ мѣстную мерію, гдѣ предъявилъ свой паспортъ и, помнится, расписался въ какой-то книгѣ. Заинтересованные моею особой обыватели Экюри могли легко удостовѣриться относительно моего званія въ меріи, и послѣ того спать спокойно, не тревожась за судьбу своего отечества.

На этомъ мы разстались самымъ любезнымъ образомъ съ моимъ новымъ знакомымъ. Послѣдній ушелъ изъ архива, а я остался за своимъ столомъ и продолжалъ прерванную работу. Минуту спустя послѣ ухода коммисара, въ кабинетъ вошелъ весело улыбающійся Mr. Экутэнъ, которому я передалъ свою бесѣду съ фальшивымъ „коллегой“, и мы оба смѣялись отъ души. Mr. Экутэнъ, какъ оказалось, былъ посвященъ въ тайну, чѣмъ и объяснялось его внезапное исчезновеніе изъ кабинета въ условный моментъ. Это — чтобы оставить насъ вдвоемъ наединѣ, — точь въ точь, какъ маменька оставляетъ въ урочный моментъ свою дочку наединѣ съ намѣченнымъ въ женихи кандидатомъ [1]).

---

1) Нѣсколько дней спустя, въ одной изъ упомянутыхъ мною шалонскихъ газетъ появилась, въ отдѣлѣ „департаментской хроники“, слѣдующая замѣтка: „Un jeune érudit russe, faisant depuis quelques mois des recherches aux archives de France, en vue d'une étude sur l'histoire de l'administration de notre pays, vint, il y a quelques jours, à Châlons, pour fouiller dans les archives départementales de la Marne. Comme il adore la campagne, il s'établit à Ecury-sur-Coole. Etant cycliste passionné, la distance d'Ecury à Châlons n'est pour lui qu' une promenade. En partant chaque matin, il rentrait tous les soirs chez lui, à l'hôtel Moinel, dînait, puis écrivait, avec une machine à écrire qu'il possède, sa correspondance, quelquefois jusqu'à minuit. Tout cela parut trop extraordinaire aux habitants d'Ecury: quelques braves gens même en conçurent des craintes pour le salut de la Patrie . . . Bref, on s'empresse de signaler à la Préfecture de Châlons la présence à Ecury d'un espion allemand, ce qui parut d'autant plus certain qu'il se promenait partout avec son appareil photographique. Naturellement, la Préfecture n'a pas eu de peine à se fixer sur l'énorme gaffe que ces braves gens ont commise envers un de nos

24 іюня, вторникъ. — Сегодня утромъ, надѣвъ „приличный“ на этотъ разъ костюмъ и вооружившись своимъ паспортомъ, пустился на велосипедѣ въ Шалонъ, и не заѣзжая въ архивъ, прямо подкатилъ къ префектурѣ и передалъ свою визитную карточку приставу, съ просьбой доложить немедленно префекту. Черезъ минуту приставъ возвратился въ пріемную съ отвѣтомъ, что префектъ „проситъ“. Я вошелъ въ кабинетъ префекта. Высокій, плотный, представительный мущина среднихъ лѣтъ измѣрялъ неспѣшными шагами длину просторнаго кабинета, безшумно ступая по рыхлому ковру, сплошь покрывавшему всю комнату. Роскошное помѣщеніе. Масса свѣта и воздуха. Два окромныхъ окна, изъ которыхъ открывается роскошная панорама „пристанища д'Ормессона“ съ садами и паркомъ Жара въ глубинѣ ея. Почти посрединѣ кабинета — монументальный письменный столъ, мягкая мебель кругомъ. Вообще обстановка, производящая впечатлѣніе серьезной, не бьющей въ глаза роскоши, соединенной съ солиднымъ комфортомъ.

— Когда я вошелъ, префектъ направилъ свои шаги ко мнѣ и, любезно подавъ руку, предложилъ мнѣ кресло возлѣ письменнаго стола, за который сѣлъ и самъ.

— Мнѣ нѣтъ нужды рекомендоваться вамъ, г. Префектъ, — началъ я, — такъ какъ заочно я уже имѣю честь быть вамъ извѣстнымъ, хотя и по нѣсколько неожиданному поводу .... Впрочемъ, мнѣ во всякомъ случаѣ не приходится жалѣть о томъ, что случилось, такъ какъ это даетъ мнѣ случай и честь познакомиться съ вами.

Префектъ оказался настоящимъ французомъ, т. е. любезнымъ и словоохотливымъ собесѣдникомъ. Я поспѣшилъ передать ему мой паспортъ, который онъ, съ видимымъ любопытствомъ,

---

amis de Russie, qui, certainement, ne venait pas en France sans être muni de bons papiers. D'ailleurs, il ne leur en veut pas, comprenant bien qu'ils ont agi en patriotes“. — L'Union républicaine de la Marne, jeudi 1-er juillet 1897, № 6247.

разсматривалъ нѣсколько минутъ, какъ диковинную и невиданную вещь. Поинтересовался нѣкоторыми подробностями: что это за печать, напримѣръ, и почему это есть въ паспортѣ также нѣмецкій текстъ? Нѣмецкій пограничный штемпель Эйдкуненской таможни его, видимо, нѣсколько смутилъ и даже заинтриговалъ. Почему и зачѣмъ нѣмецкій штемпель на русскомъ паспортѣ? Тутъ я понялъ, до какой степени французу, хотя бы и самому интеллигентному, трудно понять наши пограничные и паспортные порядки . . .

— Быть можетъ, вы найдете нелишнимъ, замѣтилъ я, распорядиться снять копію съ моего паспорта на всякій случай.

— Да, непремѣнно, непремѣнно . . .

Тутъ префектъ позвонилъ и передалъ вошедшему чиновнику мой паспортъ для снятія съ него копіи . . . Пока копировали мой документъ, мы бесѣдовали съ префектомъ de rebus omnibus et quibusdam aliis . . . Но вотъ мой паспортъ является снова въ кабинетъ, онъ возвращенъ въ свое надлежащее мѣсто, т. е. въ карманъ моего сюртука. Я раскланиваюсь съ любезнымъ префектомъ и отправляюсь въ архивъ къ своимъ бумагамъ. Было уже около десяти часовъ.

— А коммисаръ-то васъ здѣсь ждалъ съ девяти часовъ, — говоритъ мнѣ Mr. Экутэнъ.

— А я прямо въ префектуру . . .

— А тамъ вы его не видали?

— Нѣтъ.

— Въ такомъ случаѣ надо пойти, успокоить его.

— Кого это?

— А коммисара . . . Онъ васъ тутъ все время ждалъ, все въ окно поглядывалъ, — видимо, безпокоиться даже началъ. А я ему нарочно, знаете, говорю: „видите, вотъ онъ не является, и, вѣроятно, и не думаетъ явиться . . . Быть можетъ, его ужъ слѣдъ простылъ . . . Ищите теперь его за-границей“ . . . А онъ, знаете, кажется и въ самомъ дѣлѣ, началъ тревожиться, что попалъ въ просакъ. Пойду, успокою его, что вы не сбѣжали . . .

Съ этими словами, Mr. Экутэнъ, весело смѣясь, поспѣшно ушелъ изъ архива — „успокоивать“ растревожившагося комиссара . . . Послѣдняго я такъ болѣе и не видалъ.

Послѣ того я продолжалъ заниматься въ архивѣ еще около двухъ недѣль, и на этотъ разъ ни мои архивныя занятія, ни мое пребываніе въ Экюри никого, повидимому, болѣе не безпокоили.

Въ началѣ іюля я распрощался съ моими немногочисленными шалонскими знакомыми, архивистами Пелисье и Экутэномъ, офицеромъ Латрономъ, наконецъ съ моимъ хозяиномъ и пріятелемъ Муанелемъ, его гостепріимнымъ „отелемъ“, съ тихой и привѣтливой деревенькой на берегу рѣчки Кооль . . . Еще нѣсколько часовъ, и поѣздъ уносилъ меня, вмѣстѣ съ моими архивными рукописями въ багажѣ и разнокалиберными, не улегшимися впечатлѣніями въ головѣ, — дальше, на югъ — туда, гдѣ меня ожидали новыя архивныя находки и новыя впечатлѣнія . . .

Книги проф. П. Н. Ардашева, имѣющіяся въ продажѣ.

Абсолютная монархія на Западѣ. С.-Петербургъ, 1902. **Цѣна 1 рубль.** Складъ у издателя: „Акц. Тов. Брокгаузъ-Ефронъ“, С.-Петербургъ, Прачешный пер., д. 6.

Провинціальная администрація во Франціи въ послѣднюю пору стараго порядка (1774—1789). Провинціальные интенданты. Томъ I., С.-Петербургъ, 1900. (Удостоено Московскимъ Университетомъ полной преміи имени С. М. Соловьева). **Цѣна 2 руб. 50 коп.**

Переписка Цицерона, какъ источникъ для исторіи Юлія Цезаря. Москва, 1890. (Студенческое сочиненіе, удостоенное Историческо-филологическимъ Факультетомъ Московскаго Университета золотой медали въ 1887 году). **Цѣна 2 рубля.**

Эразмъ Роттердамскій. Похвала Глупости. Переводъ съ латинскаго съ введеніемъ и примѣчаніями проф. П. Н. Ардашева. Изданіе второе, исправленное. Юрьевъ, 1903. **Цѣна 1 рубль.**

Мѣсяцъ во французской провинціи. Изъ дневника проф. П. Н. Ардашева. Юрьевъ, 1903. **Цѣна 50 коп.**

Печатаются:

Матеріалы для административной исторіи Франціи въ послѣднюю пору стараго порядка.

Приготовляется къ печати:

Провинціальная администрація во Франціи въ послѣднюю пору стараго порядка, томъ второй.

---

28 НОЯ 1937

2007056147